

Магия средневековья

Виктор Ридберг

The Magic of the Middle Ages

Viktor Rydberg

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Магии средневековья

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Магия средневековья

Автор: Виктор Ридберг

Переводчик: Август Ялмар Эдгрен

Дата выхода: 4 мая 2012 [Электронная книга № 39608]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " МАГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ" ***

Магия средневековья

АВТОР : ВИКТОР РИДБЕРГ

Перевод со шведского АВГУСТА ЯЛМАРА ЭДГРЕНА

НЬЮ - ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1879

Авторское право 1879 г.,
ОТ
Henry Holt & Co

Содержание.

	СТРАНИЦА.
I. Космическая философия средневековья и ее историческое развитие	1
II. Магия Церкви	56
III. Магия ученых	95
IV. Магия народа и борьба Церкви с ней	158

Я.

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

В Средние века в Европе верили, что наш земной шар является центром вселенной.

Земля, сама по себе неподвижная, была окружена десятью небесами, последовательно окружающими друг друга, и все они, за исключением самого высокого, находились в постоянном вращении вокруг своего центра.

Это высочайшее и неподвижное небо, охватывающее все остальные и составляющее границу между сотворенными вещами и пустотой, бесконечным пространством за их пределами, есть Эмпирей, огненное небо, названное также философами-платонизирующими миром архетипов. Здесь, “в свете, в который никто не может войти”, Бог в триедином величии восседает на своем

троне, в то время как звуки гармонии с девяти вращающихся небес внизу возносятся к нему, подобно славному гимну вселенной ее Создателю.

Следующим по порядку после Эмпирея является хрустальное небо, или сфера *первого подвижного (primum mobile)*. Под ним вращается небо неподвижных звезд, которые, будучи сформированы из самых тонких элементов во Вселенной, лишены веса. Если бы теперь вообразили ангела, спускающегося с этих небес прямо на землю — центр, где собраны самые грубые частицы творения, — он все равно опустился бы через семь сводчатых пространств, образующих планетный мир. На первом из этих оставшихся небес находится планета Сатурн, на втором - Юпитер, на третьем - Марс; к четвертому, среднему небу принадлежит Солнце, царица планет, в то время как на остальных трех проходят пути Венеры, Меркурия и, наконец, Луны, измеряющей время своим убывающим и увеличивающимся диском. Под этим лунным небом находится окружающая атмосфера Земли и сама земля с ее землями и морями.

В структуре вселенной есть четыре основных элемента: огонь, воздух, вода и земля. Каждая вещь, существующая в материальном мире, представляет собой своеобразное соединение этих элементов и как таковая обладает собственной энергией; но материя сама по себе лишена качества и силы. Вся сила духовна и проистекает из духовного источника — от Бога, и сообщается земле и небесам над землей и всему сущему в них духовными агентами, личными, но бестелесными. Эти существа наполняют вселенную. Даже первичные элементы черпают из них свою энергию. Их называют разумными существами или ангелами; *primum mobile*, а также небо с неподвижными звездами приводятся ими в движение. Планеты движутся по своим орбитам под руководством ангелов. “Вся энергия растений, металлов, камней и всех других объектов происходит от тех разумных существ, которых Бог предназначил быть хранителями и руководителями его работ”.^[1] “Бог, как источник и цель всякой силы, наделяет печатью идей своих попечительских духов, которые, верно исполняя его божественную волю, клеймят жизненной энергией все вещи, вверенные их попечению”.^[2]

Не допускается никакой неизбежной причинно-следственной связи. Все происходит по воле Бога и поддерживается им. Законы природы - это не что иное, как предписания, в соответствии с которыми ангелы исполняют свои обязанности. Они повинуются из любви и страха; но если бы они в непокорном духе нарушили данные заповеди или прекратили свою деятельность, на которую у них есть власть, тогда порядок природы был бы изменен, и великий механизм вселенной развалился бы на части, если бы Бог не счел нужным вмешаться. “Иногда Бог приостанавливает их свободу действий и сам является непосредственным действующим лицом повсюду; или он дает необычные заповеди своим ангелам, и тогда их действия называются чудесами”.^[3]

Следовательно, знание природы вещей - это в основном знание об ангелах. Их бесчисленное воинство образует девять хоров, или орденов, разделенных на три иерархии, соответствующие трем мирам: эмпирическому, миру вращающихся небес и земному. Чины Серафимов, Херувимов и Престолов, составляющие первую иерархию, являются ближайшими к Богу. Они окружают его трон, как вереница слуг, радуются свету его лица, чувствуют обильное вдохновение его мудрости, любви и силы и воспевают вечную хвалу его славе. Порядок Престолов, который является низшим в этой эмпирической иерархии, провозглашает волю Бога средней иерархии, которой дано правление подвижными небесами. Это порядок Господства, который таким образом получает повеления Бога; порядок Власти, который направляет звезды

и планеты по их орбитам и приводит в исполнение все другие небесные явления, приводит их в исполнение, в то время как треть Империи защищает все, что может помешать их выполнению. Третья и низшая иерархия, охватывающая порядки Начальств, Архангелов и Ангелов, обладает превосходством над земными вещами. Княжества, как следует из названия, являются духами-хранителями народов и царств; Архангелы защищают религию и возносят молитвы святых на небеса к престолу Божьему; Ангелы, наконец, заботятся о каждом смертном и придают животным, растениям, камням и металлам их особую природу. Вместе эти иерархии и порядки образуют непрерывную цепь взаимосвязанных действий, и, таким образом, структура Вселенной напоминает лестницу Иакова, на которой

“Небесные силы, восходящие и нисходящие,
Их золотые ковши непрестанно меняются местами”.

Все земные вещи являются образами небесного; и все небесное имеет свои архетипы в Эмпиреях. Вещи на земле состоят из самой грубой из всех материй; вещи в окружающих небесах - из более тонкой субстанции, доступной влиянию разумных существ. Архетипы нематериальны; и как таковые, они могут без сопротивления наполняться духовными силами и отдавать всю свою полноту соответствующим им изображениям в мирах звезд и планет. Они снова посредством своих лучей посылают изобилие своей силы тем объектам на земле, которыми они представлены. Следовательно, каждая вещь на земле находится не только под руководством своего собственного ангела, но и под влиянием звезд, планет и архетипов. Вселенная - это огромная лира, струны которой, если ударить по ним независимо от места, обязательно будут вибрировать по всей своей длине.

Именно для человека Бог своим указом вызвал четыре элемента из ничего, и именно для человека он создал эту чудесную землю из этих элементов за шесть дней. Человек - это венец творения, его шедевр и в узких пределах своей природы воплощение всего существующего, микрокосм и образ самого верховного Бога.

Но поскольку человек, как микрокосм, должен состоять также из самой грубой материи, место его обитания не могло быть в пределах Эмпиреев, но должно было быть закреплено на земле. Чтобы она была достойна принять его, она была украшена всей красотой рая, и ангелы с восторгом взирали с небес на ее долины и горы, озера и рощи, которые в меняющихся огнях и тенях сияли то пурпуром утра, то золотом солнца, то серебром луны. Само это место обитания символически объясняет судьбу человека и его место в царстве Божьем; ибо, где бы он ни странствовал, зенит все еще пребывает над его головой, и центром всех вращающихся небес является его жилище. Танец звезд - всего лишь праздник в его честь, солнце и луна существуют лишь для того, чтобы освещать его путь и наполнять его сердце радостью.

Первые человеческие существа жили в этом своем раю в состоянии наивысшего счастья. Их воля была непорочной; их разум наполнялся непосредственным светом интуиции. Часто, когда ангел солнца опускался со своим сверкающим шаром к горизонту и “день становился прохладнее”, сам Бог спускался со своего Поднебесья, чтобы побродить под прекрасными райскими деревьями в обществе своих любимых.

Мир представлял собой нерушимую гармонию. Несомненно, существовал контраст между духом и материей, но пока еще не было контраста между добром и злом. Остаться в таком состоянии пришлось недолго.

Люцифер, то есть Несущий Свет, или Утренняя Звезда, был высшим из всех ангелов, князем серафимов, любимцем Творца и по чистоте, величию и могуществу уступал только Святой Троице. Гордыня и зависть овладели, неизвестно каким образом, этим могучим духом. Он задумал план свержения власти Бога и восседания на троне Всемогушества. Ангелы всех сословий были склонены на его сторону в его измене. По первому зову безрассудного духа бесчисленные разумные существа с нижних небес и с земли атаковали Эмпиреи и присоединились к мятежным серафимам, херувимам и престолом, которые стеклись под знамена восстания. На небесах бушевало могучее состязание, перипетии которого покрыты завесой тайны. Святой Иоанн, однако, в своей Книге Откровение приподнимает одну ее складку и показывает нам Михаила во главе Божьих легионов, сражающихся против Люцифера. Состязание закончилось свержением мятежника и его последователей. Прекрасная Утренняя звезда упала с небес.[4] Христос увидел, как некогда верный серафим был сброшен с крепостных стен, подобно удару грома среди облаков.[5]

Побежденный не был уничтожен. Спокойный в сознании своего всемогушества, Бог непостижимым образом решил, что Люцифер, превратившийся в результате своего восстания в полностью злого духа, должен пользоваться свободой действий в определенных пределах. Деятельность падшего духа состоит в отчаянной и непрестанной борьбе против Бога; и вначале он одерживает победу, имеющую неизмеримые последствия. Он искушает человека и подчиняет его своей власти. Человечество, а также прекрасная земля, которая является его обиталищем, находятся под Божьим проклятием.

Мир больше не является нерушимой гармонией, нравственным единством. Он навсегда разделен на два антагонистических царства, царства Добра и Зла. То, что Бог так желает и допускает неизбежные последствия, подтверждается немедленным изменением структуры Вселенной. Смерть послана с поручением уничтожить все живое. Ад раскрывает свою пасть в некогда мирных земных недрах и наполняется огнем, который сжигает все, но ничего не пожирает.

Поле битвы - это все творение, за исключением пространств Эмпиреи; ибо в его чистые владения не может проникнуть ничто испорченное. Люцифер все еще придерживается своих притязаний на свой трон и во всем стремится подражать Богу. Падшие серафимы, херувимы и престолы составляют его королевскую свиту и его военный совет. Мятежные разумы средней иерархии, ныне преобразованные в демонов, все еще любят бродить среди тех же звезд и планет, которые когда-то были вверены их попечению, и воевать против добрых ангелов, которые теперь направляют движение небес. Другие демоны витают в атмосфере, вызывая бурю и гром, град и снег, засуху и ужасные предзнаменования (отсюда говорят, что дьявол - это принц, который управляет погодой). Другие снова наполняют землю; ее моря, озера, источники и реки; ее леса, рощи, луга и горы. Они пронизывают стихии; они повсюду.

Человек, главная причина раздора, находится в печальном состоянии. Телесные боли и страдания, которые земля с момента своего проклятия обрушивает на путь, по которому должны идти последующие поколения, все причастные к греху Адама, ничто по сравнению с опасностями, которые со всех сторон нападают на их бессмертные души и угрожают им. И как можно предотвратить эти опасности? Действительно, за каждым смертным с момента его рождения следует ангел-хранитель; но как можно отличить его побуждения от тех, которые исходят от тысячи скрытых агентов Зла. Люцифер может трансформироваться в ангела света,

его демоны могут соблазнять голосом, который подделывает голос Бога и совести. Воля человека бессильна противостоять этим искушениям; она развращена грехопадением. Разум не дает руководства; омраченный отступничеством человека, он вырождается, если его предоставить самому себе, в сатанинский инструмент ереси и заблуждения. Чувство находится в подчинении материи, которая, уже с самого начала противостоя духу, разделяет это проклятие. Стоит ли тогда удивляться тому, что жизненный путь человека, начинающийся с зачатия в греховном чреве, заканчивается за воротами смерти вечными муками ада? Все эти мириады душ, созданных Богом и облаченных в одежды из глины, — все эти микрокосмы, каждый из которых является шедевром, величием творения, существом бесконечной ценности, образуют, звено за звеном, цепь, простирающуюся от того небытия, из которого Бог создал их, до той бездны, в которой после короткой жизни на земле они должны мучиться бесчисленные века, отчаиваясь и проклиная своего Создателя.

Люцифер торжествует. Его царство увеличивается; но бедный смертный не имеет права жаловаться. Сосуд не должен винить горшечника. Когда человек заглядывает в свое собственное сердце, он обнаруживает греховность и порочность, столь же бесконечные, как и его наказания. Каким бы суровым ни казался закон Вселенной, он все равно несет на себе отпечаток божественной справедливости.

Следовательно, это всего лишь акт чистой благодати, когда Бог определяет спасение человечества. Церковь, подготовленная избранием еврейского народа и основанная Иисусом Христом, Сыном Божьим, который принес себя в жертву на распятие, чтобы искупить грехи людей, выросла и распространила свое влияние по всем регионам, где когда-то демоны, языческие боги, владели храмами, идолами и алтарями. Церковь - это магический круг, внутри которого только и возможно спасение (*Extra ecclesiam nullus salus*). В ее стенах Сын Божий ежедневно приносит себя в жертву за грехи человечества; вино для Причастия чудесным образом превращается в его кровь, а хлеб - в его плоть, которые, вкушаемые членами Церкви, способствуют их возрастанию в святости и силе сопротивления Искушителю. Церковь - это единое тело, одушевленное Святым Духом Божьим; и таким образом, избыток добродетели одного члена компенсирует недостатки другого. Святые люди, отказываясь от всех чувственных удовольствий и посвящая свою жизнь практике покаяния и строгости, размышлению о духовных вещах и творению добра, накапливают таким образом богатство дополнительных дел, которые, будучи отложены в сокровищнице Церкви, позволяют ей заглаживать грехи менее самоотверженных членов. Щедрой рукой она дарует отпущение грехов не только живым, но и мертвым. Таким образом, человеческая раса может вздохнуть свободнее, и множество людей снова приобщится к преходящим радостям жалкой земной жизни; и когда смертный срывает цветы наслаждения, которые цветут в этой юдоли печалей, ему не нужно так сильно бояться скрытого в них яда, ибо лекарство совсем рядом. Рыцарь в замке вон там, на вершине скалы, или бургер внизу, в долине, может без колебаний жениться, растить детей и жить в обществе по средствам; счастливый студент может петь и реализовывать свой "*Gaudeamus igitur*"; неустрашимый солдат может искать компенсации за тяготы своего похода веселой жизнью в тавернах и женском обществе; даже последователи Марии Магдалины, грешащие в ожидании благодати, могут припасть к стопам Церкви. то же самое отпущение грехов, которое было дано их образцу у ног Иисуса, при условии только, что, благодарные за милость Христа, который сделал их членами своей Церкви, они почитают ее как свою мать, принимают участие в ее таинствах и ищут ее помощи. Постоянно увеличивающееся число монастырей, домов строгого самоотречения, непрерывного покаяния и таинственного созерцания, является гарантией

неисчерпаемости тех дел сверхразвития, которыми обладает Церковь. В этих монастырях юные девушки, посвятившие себя Христу после духовного объятия, ради которого были подавлены самые сильные порывы их натуры, тоскуют всю свою жизнь. Здесь в молитве и тяжелом труде проводит свои дни и ночи благочестивый отшельник. Также и те люди, которые, выходя босиком, покрываясь грубыми одеждами и нося веревки на поясе, посвящают себя, подобно апостолам, бедности и проповеди Евангелия, которые принимают милостыню у дверей мирянина, давая ему взамен пищу слова Божьего, — все они происходят из тех же монастырей.

Таким образом, Церковь является молом на пути греха. У христианина есть некоторые основания восклицать: “О ад, где твоя победа?” ибо, хотя место мучений постоянно наполняется заблудшими духами, есть тысячи и тысячи искупленных душ, которые устремляются в Эмпиреи — либо немедленно, либо через Чистилище. Первыми среди блаженных, которые, смешиваясь с ангелами, окружают престол Божий, являются те, кого называют святыми. Их заступничество даже эффективнее, чем у серафимов, а их сила в борьбе с демонами превосходит силу херувимов. Поэтому королевства, сообщества, ордена, корпорации и гильдии, да, даже незаконные и пользующиеся дурной репутацией профессии (которые больше других нуждаются в благодати и заступничестве) имеют своих святых покровителей. Человек, наконец, находится под защитой святого, во имя которого он был крещен.

Церковь - это царство Божье на земле; ее церковная иерархия - это образ небесного; ее высший правитель, Папа Римский, - наместник Бога. Ее предназначение, которое распространяется на всю землю, чтобы включить все земли и нации в свой магический круг, не могло быть реализовано, если бы она не обладала властью командовать королями и армиями христианского мира. Более того, очевидно, что духовная власть выше светской: первая защищает душу, вторая - только тело. Они связаны друг с другом так же, как дух связан с материей. Следовательно, именно папа должен быть наделен высшим светским достоинством — достоинством римских цезарей. Он феодал императоров, каким является или должен быть император королей, герцогов и вольных городов. Если бы это было не так, — если бы различные правители были независимы от хранителей религии, — тогда горе огромной массе их подданных! Конечно, эти массы людей помещены на землю для того, чтобы их дисциплинировала человечность и послушание; у них действительно нет прав, на которых они могли бы настаивать, поскольку они стоят за пределами свободы; но, с другой стороны, угнетению, оказываемому на них, не было бы предела, если бы Церковь, которая является общей матерью для всех, не напомнила облеченным властью об их долге любить и лелеять низших: действительно, весь общественный порядок рассыпался бы в прах, если бы более высокая сила, чем та, что зависит от меча, не заставила более сильного выполнить те обеты защищать более слабых, которые он дал в присутствии сильных мира сего. Святая Троица. Ибо единственные существующие права - это права на привилегии и инвеституру, основанные исключительно на закрытых условиях.

Согласно учению Церкви, которое является единственным ключом к спасению, человек получил в дар то, чего он никогда не смог бы достичь наукой, — знание высших истин. Обладая этим знанием, он больше не должен позволять дьяволу искушать себя и предпринимать попытки проникнуть в тайны вселенной, не имея ничего, что могло бы помочь ему, кроме его помраченного интеллекта; ибо такие попытки обычно заканчиваются ошибкой и отступничеством. И все же соблазн силен, потому что высшие истины, облаченные в одежды

человеческих представлений, иногда кажутся противоречивыми и абсурдными. Следовательно, они должны быть подчинены не решениям разума, а арбитражу веры. Только вера способна проникнуть в них и воспринять. Доктрины, которые проповедует Церковь с помощью Святого Духа, поскольку только они являются истинными, предлагают верующему исследователю кладезь бесконечных сокровищ. Следовательно, внутри Церкви возможна философская система при условии, что ее методы, всегда постулирующие непогрешимость догматов, будут ограничены благочестивым анализом и смиренным созерцанием религиозных догматов. Для этой цели приверженец схоластической философии может использовать аристотелевскую диалектику по своему усмотрению и орудовать рычагом силлогизма по своему усмотрению. Даже в рамках православия могут возникнуть многие *если и но*, многие *ПРО* и *контра*. Схоластический логик должен доказывать только наиболее вероятное; непогрешимый папа и его синоды одобряют истинные выводы и опровергают ошибки, которые, когда от них отказываются, прощаются. Для исследователя лучше всего основывать свои исследования на положениях, изложенных первыми отцами Церкви; ибо таким образом последующие поколения будут строить на фундаменте, заложенном для них их предшественниками задолго до этого. Поскольку все они следуют одному и тому же диалектическому методу анализа и синтеза, так что весь предмет пронизан этими процессами и его массы сгруппированы в архитектурный порядок, на основе догмы воздвигается философская надстройка, напоминающая те купола, которыми поражают наш взор искусные мастера каменной кладки.

Мир становится хуже. Церковь может прощать грех, но не может препятствовать его увеличению. Каждое поколение наследует от предыдущего бремя дурных наклонностей, привычек и примеров, которое оно, в свою очередь, еще тяжелее возлагает на плечи потомства. У каждого сына больше причин для вздоха, чем у его отца. “Счастливы те, кто умер, прежде чем узрел дневной свет! кто вкусил смерть, прежде чем познал жизнь!”^[6] Воинства сатаны нападают на Церковь со всех сторон. Со своей башни страж Сиона взирает на мир и видит, как волны истории, ныне яростно подгоняемые демонами, накатываются на скалу, на которой Христос построил свой храм. С большим трудом украшенные крестами войска Европы отражают вторжение сарацин, чей приход был предвосхищен эпидемиями и предзнаменованиями. Эмблемой Церкви является ковчег, который швыряет по штормовому морю среди бури с дождем и молниями. История - это духовная комедия, разыгрываемая на сцене, широкий передний план которой, как и в мистериях, является *дьявольским театром*; в то время как на узком заднем плане Церковь Божья, подобно осажденной цитадели, устремляет свои вершины над суматохой к мрачному небу, откуда ее защитники ожидают прихода Иисуса и его ангелов к ним на помощь.

Но прежде чем наступит это облегчение, беззаконие достигнет своего апогея. Оно действует уже в священных пределах самой Церкви. Божий наместник с большим трудом покоряет внутренних врагов, чем внешних. С одной стороны, многие люди верят, что они нашли в своем собственном разуме и совести ведущие истины, которые они противопоставляют, без какого-либо авторитета вне себя, тем заповедям, которые пришли свыше и божественное происхождение которых подтверждено верой сотен поколений. Он ставит себя в позицию оппозиции общепринятой вере. Так возникают ереси — те раковые образования на телеприхожан, которые должны быть излечены железом, когда мази не восстанавливают, и огнем, когда железо неэффективно. С другой стороны, люди настолько одержимы своими страстями, что оставляют Бога, который их порицает, и становятся рабами другого бога, который проявляет к ним благосклонность. Гордыня, скованная неясным происхождением, и

острый аппетит к удовольствиям, скованный от удовлетворения нищетой и лишениями, в отчаянии стряхивают свои оковы и, наконец, призывают на помощь Утреннюю Звезду древности. Архидемон обещает неограниченные удовольствия и неограниченную власть. Бедного смертного из-за страха перед болью, терзающей его тело, подталкивают к его уничтожению. Его тело, созданное из праха проклятой земли и всегда являющееся средоточием чувственных желаний, оставлено Богом добычей нападок дьявола. “Здесь кто-то теряет глаз, кто-то руку; один падает в огонь и сгорает заживо, другой падает в воду и тонет; другой взбирается по лестнице и ломает шею, третий снова спотыкается на ровной земле и ломает ногу. Все подобные непредвиденные происшествя, происходящие ежедневно, являются всего лишь ударами дьявола, которые он наносит нам из откровенной злобы”.^[7] Более того: демон способен настолько полно завладеть человеческим телом, что он становится как бы его второй душой, двигает его конечностями, произносит богохульства своим языком, от которых даже их дьявольский автор не может не трепетать. Но хотя богобоязненный человек, подобно благочестивому Иову, получает пользу от таких невзгод, и хотя молитва является мощным прибежищем, все же постоянно растет число тех, кто, движимый трусливым страхом перед могуществом Князя Зла, ищет своей безопасности в союзе с ним; тем более что он предоставляет им частичный контроль над стихиями и, таким образом, средство трудоустройства и причинения вреда другим. Таким образом, ужасная эпидемия колдовства умножает свои жертвы; и в темные часы полуночи сотни тысяч людей, носящих имя христиан, в горах и в пустынях совершают тайные обряды в честь своего сатанинского повелителя. Наступает время пришествия Антихриста, Судного дня и окончательного пожара.

В пламени этого последнего дня вращающиеся небеса и земля уничтожены. Движение, активность, борьба, история — всему приходит конец. Остаются только Эмпиреи и Ад, как противоположные крайности прежней вселенной. Этот пожар не является универсальным очистителем, уничтожающим то, что само по себе не существует.^[8] Это всего лишь навсегда отделяет золото от шлака. Царство дьявола продолжает существовать, и его добыча принадлежит ему навеки. Но оно существует таким образом только потому, что вечное существование означает вечное наказание как для его правителя, так и для его подданных. С новых небес и новой земли, которые по воле Божьей созданы для обитания тех, кто избежал уничтожения, эти искупленные духи слышат скрежет зубов и стенания своих обреченных братьев и смотрят сверху вниз на их муки и убожество не с состраданием, а с радостью, потому что они признают в своем наказании подтверждение божественной справедливости; не с болью, а с восторгом, потому что вид их убожества удваивает их собственное счастье. Из глубин этой пропасти страданий непрерывно возносятся к Небесам крики отчаяния, богохульства неповиновения и проклятия ярости, но они не нарушают гимнов, которые святые и ангелы всегда поют вокруг престола Бога и Агнца; они только усиливают торжественность богослужения.^[9]

Такова в своих главных чертах была космическая философия средневековья; не абстрактно рассматриваемая, а такая, которая реально существовала на протяжении многих веков среди христиан, руководя их мыслями, воображением и чувствами, а также руководя их действиями. Остатки этого все еще очевидны в системах существующих сект, хотя и несовместимы с новой философией, над развитием которой трудился человеческий разум. С тех пор как в шестнадцатом веке интеллект христианского мира начал освобождаться от веры с помощью

авторитета, влияние старых взглядов на различные формы, которые принимает жизнь, постепенно уменьшалось.

Многие из тех характеристик, которые так странно контрастируют состояние общества в средние века с предшествующей эллинской и последующей современной европейской цивилизациями, берут свое начало в различных теориях мироздания. Не случайно, что, с одной стороны, в истории Греции мы встречаем так много гармоничных форм, в каждой черточке которых запечатлены покой и безмятежная радость, а с другой, в истории Средневековья, так много существ, погруженных в глубочайший мрак или возвышенных в неистовом восторге, истекающих кровью из нанесенных самим себе ран или пылающих лихорадкой мистических эмоций, - не случайно, что первая эпоха любит эти безмятежные формы и увековечивает их в своих героических галереях, в то время как вторая боготворит свои эксцентричные фигуры и описывает их в стихах. его легенды как святые образцы. Не случайно, что искусство Греции отражает прекрасную человечность, в то время как искусство Средневековья любит останавливаться на чудовищах и мечется между крайностями ужасающей серьезности и дикой пародии; не случайно только, что наука грека рациональна — что он открывает категории в логике и создает наиболее совершенную структуру строгих доказательств в своей геометрии, в то время как наука Средневековья, напротив, является *магией*, — это доктрина соответствий, астрология, алхимия и колдовство.

Для греков вселенная была гармоничным единством. Закон разума, скрытый под именем судьбы, управлял самими богами. Разнообразные события мифа лежали где-то далеко; они даже не затронули воображение поэта, когда он занялся ими; еще меньше - веру толпы и меньше всего - исследования мыслителя. Непрерывная последовательность событий располагала к размышлению, которому можно было предаваться тем охотнее, что никто не претендовал на получение в дар полной системы богооткровенной истины, и тем свободнее, что никакой авторитет не заставлял индивида выбирать между такой системой и гибелью. В общем, способность Разума проникать во внутреннюю сущность вещей не вызвала сомнений, поскольку до греков не дошло никаких сведений о грехопадении человека, уничтожившем эту способность. Следовательно, в отношении знания греки опирались на доказательства и внутренний авторитет. То же самое было и в отношении морали. Они были убеждены, что те побуждения, которые способствовали счастью семейной жизни, были благами; и что те, которые не противодействовали этому, были по крайней мере оправданы; и поэтому они умеренно пользовались дарами природы, не подозревая, что щедрый даритель был проклят. Созданный ими идеал мудрости основывался на их внутреннем опыте, независимо от того, имел ли он радостные черты Эпикура, более суровые черты Зенона или мягкое и смиренное выражение Эпиктета; и когда они прилагали усилия, чтобы реализовать его в своей жизни, они всегда исходили из предположения, что это возможно при ежедневном укреплении воли. Усилия, прилагаемые греками для достижения чистоты и добродетели, были, так сказать, системой гимнастики для развития мускулов мозга. В этих начинаниях проявлялись та же сила и уверенность в себе, что и в палестре. Вздохи и тоска были чужды такого рода реформаторским усилиям. И все же они не были совсем бесплодными. Здесь может быть применена старая пословица о том, что Бог помогает тем, кто помогает себе сам. То, что она развивала великие, могущественные и благородные натуры, было настолько неоспоримо, что даже один из христианских отцов, рассмотрев их достижения, начал сомневаться, действительно ли его путь достижения совершенства был единственным, пока ему не удалось убедить себя, что "Добродетели язычников - это сияющие пороки". Гармоничная личность грека и

рациональность греческой науки зависели от единства, гармоничности их космических взглядов — от того, что они понимали целое как единство в его многообразии, а не как непримиримое разъединение двух абсолютно антагонистических принципов.

Если, напротив, высшая правящая сила в природе является произвольным божественным капризом, если миром, который открыт перед человечеством, управляют чужие чисто случайные указы, в которые сами по себе постоянно вмешиваются враждебные влияния из адского царства; если, более того, эта борьба бушует не только во внешнем мире, но и в самой сердцевине человеческой природы, искажая ее разум, чувства и волю, так что использовать их без ее воли как средства для своего возвышения или гибели, то действительно ли нет причинности, которую следовало бы искать, и, следовательно, нет поля для поисков где бы то ни было? для научных исследований. Если бы вообще существовала такая вещь, как наука, она была бы далеко за пределами возможностей человека, поскольку разуму, простой игрушке демонических сил, доверять нельзя. Точно так же и его личность больше не имеет центра тяжести внутри себя. Тогда человек чрезвычайно нуждается в таком институте освобождения, как Церковь, которая учит его тому, что божественная власть произвольно сочла добром или злом; в то время как сверхъестественные средства благодати, таинства, дают ему силу сопротивляться злу и освобождают его от его недостатков. Таким образом, внешний авторитет вытесняет внутренний, который вырван с корнем. Тот идеал человеческого совершенства, который возможен при таких условиях и который действительно возникает из-за того, что врожденная деятельность ума постоянно стремится привести все принятые понятия в соответствие, опирается на доктрину авторитета в качестве своего основания и принимает ее сверхъестественный характер. То, что идеал Средневековья аскетичен, а его наука магична, непосредственно вытекает из его дуалистической концепции вселенной и ее особой природы.

Дуализм средневековья произошел от Персии. Это основная идея зороастрийского учения, которое в конце концов, после долгой борьбы с унитарными представлениями греков, проникает на Запад и полностью покоряет его. Эта победоносная битва Востока против Европы является итогом истории между Киром и Константином. Внешние события, наполнявшие эти столетия, приобретают свое истинное значение, когда внутри и за ними ощущается борьба между двумя конфликтующими системами идей. Подобно скрытым шахматистам, они выставляют друг против друга своих бессознательных чемпионов на доске истории.

Когда Кир отправляет домой еврейских пленников из рек Вавилона в горы Иерусалима, он завоевывает для дуализма ту важную фланговую позицию на Средиземном море, значение которой проявляется столетия спустя в ходе битвы. “Противник” (сатана), который иногда появляется в самых последних частях Ветхого Завета, написанных под персидским влиянием, и играет постоянно расширяющуюся роль в раввинской литературе, — это иудаизированный Ариман; бесноватые, которые во времена Христа изобиловали в Палестине, свидетельствуют, что демоническая вера персидского дуализма проникла в воображение и чувства евреев и там принесла плоды. Параллельно с этим мирным завоеванием разыгрывается великая военная драма между Грецией и Персией. Хотя это не является общепризнанной религиозной войной, тем не менее, Ормузд и Ариман были отброшены при Марафоне, Саламине и Платеях, именно греческий унитаризм был спасен в этих битвах, чтобы в течение некоторого времени без помех развиваться в сияющую и прекрасную культуру. Как уже было показано, магия и вера, основанная на авторитете, являются необходимыми следствиями дуалистической религии; ограничение и уничтожение свободной личности являются столь же необходимыми следствиями веры,

основанной на авторитете. Может ли кто-либо, рассматривая конфликт, разгоревшийся на Марафонском поле, не признать столкновения двух духовных противоположностей, двух различных систем идей, когда он видит, как отряды греков, вышедшие из своих агораев (мест для политических дискуссий) и гимназий, бодро продвигаются в гирляндах, но не преуменьшая опасности, навстречу бесчисленным войнам Востока, гонимым бичом своих лидеров? С одной стороны, полностью развитая свободная личность, которая берет свое начало в гармоничном понимании природы, с другой - слепое подчинение внешней силе. С одной стороны, свобода, с другой - деспотизм. Можно добавить с помощью логического вывода, хотя это может показаться более отдаленным, — с одной стороны, рациональность, с другой - магия.

Укрепленная победой Европа отправляется искать врага в его собственной стране. Александр завоевывает Азию. Но новый Ахилл закован в цепи своего собственного раба. Ибо в то время как греческая культура распространяется по поверхности завоеванных стран, восточный дух продвигается под ней в противоположном направлении. Волны двух идеальных течений частично смешиваются. В библиотеках Александрии и Пергама литература Востока и Запада сливается воедино; в их залах встречаются мудрецы Востока и Запада; в их доктринальных системах Зороастра и Платона фантазия и умозрение, магия и рационализм смешаны самым необычайным образом. Победа Александра была победой воина, а не ученика трезвого Аристотеля. Иудаико-александрийская философия расцветает, и гностицизм, этот чудовищный ублюдок специфически различных космических систем, уже зародился, когда христианство возникло в Палестине и объединилось с еврейским дуализмом, происходящим от Зороастра, и, таким образом, приступило к завоеванию мира оружием веры.

Тем временем Рим расширил и основал свою империю. Национальности, включенные в него, были смешаны воедино; их различные боги были перенесены в один и тот же Пантеон; и их идеи были сведены лицом к лицу. Всемирная империя, чтобы сохранить свое существование, была вынуждена централизоваться в деспотизм восточного типа, свободные формы государства погибли, философский скептицизм и эвдемонизм отменили среди культурных классов унаследованные представления о религии. Все это, сопровождаемое моральной порочностью и материальной необходимостью, подготовило почву Запада для зарождения новой религии. Пустота и страдание делают разницу между идеальностью и реальностью, между добром и злом все более ощутимой даже для унитарных наций. Дуализм, подготовленный таким образом в сферах мысли и чувства, в христианской форме с непреодолимой силой распространяется по римским провинциям. Бесчисленные массы бедных и угнетенных посвящают себя “философии варваров и Востока” (так греческий мыслитель назвал христианство), потому что они признают в ней свой собственный жизненный опыт и полностью уверены в своей надежде на облегчение.

Эллинико-римское язычество оказывает бесплодное сопротивление. Преследования со стороны государства только ускоряют распространение христианства. То, чего не может сделать государство, возможно, смогут сделать эллинская культура и философия. Они, некогда взаимно враждебные, примиряются перед лицом общей опасности. Угасающий светильник древности вспыхивает и разгорается ярче, когда чистые сердца и глубокие умы, обычно презиравшие мифы как суеверие, теперь воспринимают их как символы высших истин. Философия развивается в форме неоплатонизма.

Но неоплатонизм сам отступил от рационального и унитарного. Плотин и Аммоний Сакка тщетно пытаются восстановить его. Она лишь невольно помогает своему противнику, особенно

когда, чтобы завоевать массы, соглашается соревноваться с ним в чудесах. Ямвлих и другие практикуют тайные искусства, чтобы превзойти христианских магов, и они прославляют Пифагора и Апполлония Тианского как достойных встать в один ряд с Иисусом из Назарета по чудесным дарам. Этим они только способствуют распространению магии и принципов дуализма. Поток восточных представлений все стремительнее движется к своему триумфу.

Христианский дуализм уже чувствует себя достаточно сильным, чтобы сражаться не только со своими объявленными врагами, но и с теми западными элементами культуры, которые он принял в свое лоно с самого начала и которые обеспечили ему доступ среди более интеллигентных классов. Инстинктивно чувствуется, что даже школа мысли, возникшая внутри Церкви, слишком унитарна и рационалистична, чтобы ее можно было терпеть в долгосрочной перспективе. Такие люди, как Климент Александрийский и Ориген, которые поражены тем, что является внешним и непреходящим в христианстве, и знают, как отделить это от его дуалистической формы, ведут трагическую битву за союз веры и мысли. Признавая, что Христос есть все во всем, непосредственная сила и мудрость Бога, они, тем не менее, хотят спасти эллинскую философию от разрушения, которое фанатизм, упивающийся достоверностью и самодостаточностью откровения, направляет против любого проявления западной культуры, будь то в национальной жизни, искусстве или науке. Они указывают на то, что философия, если она не может сделать ничего другого хорошего, может предоставить рациональное оружие против тех, кто нападает на веру, и что она может и должна быть “настоящей стеной защиты виноградаря”. Их доводы не имеют никакого эффекта. Философия от дьявола: да, все истинное и доброе в жизни и доктрине, которыми обладал языческий мир, объявлено одним из отцов церкви обманом сатаны (*ingenia diaboli quædam de divinis affectandis*); а вера настолько независима от мышления, что лучше сказать: “Я верю, *потому что* это невероятно, абсурдно, невозможно”.^[10] Тщетно умирающий Клеменс восклицает: “Даже если бы философия была от дьявола, сатана мог бы обманывать людей только в облике ангела света: он должен очаровывать людей видимостью истины, смесью истины и лжи; поэтому мы должны искать и распознавать истину, из какого бы источника она ни исходила.... И даже этот дар язычникам мог достаться им только по воле Божьей и, следовательно, должен быть включен в божественный план воспитания человечества.... Если грех и беспорядок приписываются дьяволу, то как абсурдно делать его автором и подателем такой хорошей вещи, как философия!... Бог дал Закон евреям, а философию язычникам, только для того, чтобы подготовиться к пришествию Христа”. Таковы слова, которые звучат последним умирающим эхом эллинской культуры и человечества! Не случайно, что в философии Клеменс и Ориген также стремились сохранить унитарные принципы настолько, чтобы отвергнуть доктрину вечного наказания в аду и утверждать, что дьявол в конце концов станет добрым, а Бог - всем во всем. Но такой взгляд не мог привлечь внимания в то время, когда христианство, только потому, что оно не было резко и последовательно дуалистическим, чувствовало себя в опасности из-за того совершенно последовательного и всесторонне развитого дуализма, который под именем манихейства еще раз двинулся против Европы от персидской границы. Хотя манихейство, казалось, потерпело поражение, тем не менее один из его бывших приверженцев, Августин, привнес его дух в Церковь. В течение следовавшего за ним столетия германская миграция уничтожила вместе с последними школами последние остатки греко-ромейской культуры. Варваров убедили принять крещение, часто с помощью пышности и обмана; их божества, как некогда обитатели Олимпа, были низведены до уровня злых демонов. Все, что предшествовало их союзу с Церковью или было разъединено с ней, — старый опыт и традиции этих обращенных

народов, — все было осуждено и отнесено к миру зла. Господство восточного дуализма в Европе было абсолютно установлено, и наступила долгая ночь Темных веков. Шесть столетий отделяют Прокла, последнего сколько-нибудь заметного неоплатоника, и Августина, последнего из Отцов церкви, получивших философское образование, от Ансельма, основателя схоластики! Между ними лежит пространство, на котором Григорий Великий и Скотт Эригена — почти единственные звезды, да и те отнюдь не первой величины. “Пустыни существуют как во времени, так и в пространстве”, — говорит Бэкон.

Когда снова стала возможна слабая попытка научной деятельности, ученый-монах был счастлив обладать несколькими помятыми листками Аристотеля, полученными, но не напрямую, от арабов. На этих листах он с изумлением и восхищением прочел метод логического исследования. В остальном это были Гермес Трисмегист, Дионисий Ареопагит (перевод Скотта Эригены) и другие подобные мистические труды, написанные неизвестными руками, с некоторыми штрихами неоплатонизма, которые были вставлены мечтательным схолиастом, когда он нуждался в материале для завершения космологии, принципы которой он нашел в догматах Церкви.

Разумеется, Темные века не могли осознать, а тем более признать тесную связь, существующую между их космическими воззрениями и воззрениями Зороастра; но все же смутное подозрение об этом можно обнаружить. Ученые мужи Средневековья приписывали Зороастру основание магических наук. Шпренгер (автор книги "Молот Малификарума", о которой пойдет речь ниже), Ремигиус, Жан Боден, Дельрио и несколько других юристов и богословов, которые приобрели печальную известность как судьи на процессах над ведьмами, в своих трудах приписывают происхождение колдовства Зороастру.

Дуалистическое представление не изменилось после принятия христианства, но усилилось. Религия Зороастра, предполагающая первичный принцип добра,^[11] позволяет злу, которое со временем возникло, со временем исчезнуть; и это заканчивается доктриной, которая слабо просвечивает даже в Новом Завете, об окончательном “восстановлении всего сущего” (ἀποκατάστασις πάντων), и, как следствие, сводит зло к чему-то просто феноменальному. Однако в доктринах Церкви, которые были установлены под влиянием Августина, манихейского проповедника, зло, хотя и возникшее во времени, становится вечным. Это различие имеет большое практическое значение и объясняет, почему дуализм не принес таких же ужасных плодов у себя дома на Востоке, как на Западе. Ужасное разделение и контраст, которыми заканчивается "Божественная комедия средневековья", — вопли и проклятия, доносящиеся из ада, чтобы усилить блаженство искупленных, — образуют концепцию настолько отвратительную, что ее нельзя было включить в мысли и чувства, не сделав их дикими. Сострадание, благожелательность, любовь — те качества, благодаря которым человек ощущает родство с божественным, теряют свое значение и лишаются своей вечной печати, когда они больше не обнаруживаются в его Создателе, за исключением ограниченных или, скорее, приостановленных действием другого качества, которое благочестивый человек заставит себя назвать справедливостью, но которое неудержимый голос из самых сокровенных уголков его души называет жестокостью. К этому следует добавить еще одно важное соображение. Слуга Ормузда является собственностью дьявола не больше, чем земля, по которой он ступает. Конечно, он окружен со всех сторон предательством Аримана и всех демонов, но это только потому, что он призван и уже наделен властью быть поборником Добра на земле. Именно как таковой он находится в суматохе битвы. Сила для добра, однажды данная ему и постоянно

обновляемая через молитву, к тому же принадлежит и ему самому; он может использовать ее, не теряясь в сложном вопросе, где кончается свобода и начинается благодать. Каждый, кто придерживается доктрины света, стоит на своих собственных ногах. Это верно для каждого слуги Ормузда; Зороастр не делал в этом отношении различия между священником и мирянином. Даже вера в авторитет, сама по себе являющаяся посягательством на свободную личность, сохраняет для нее в этой форме религии свободную и неприкосновенную арену.

В средневековой Церкви дело обстоит иначе, и это не может быть представлено лучше, чем в следующих словах неолютеране Вилмара, когда он хотел бы полностью сохранить за духовенством “власть удерживать собрание вместе словом, таинствами и церковным авторитетом, власть сносить голову греху одним словом, власть нисходить в душу, в которой враг распространил мрак безумия, и заставлять непокорные колени маньяка сгибаться, а его бешеные кулаки складываться в молитве, да!”, сила [здесь мы имеем кульминацию, которая довольно скромна после вышесказанного] спуститься в душу, в которой обосновался древний враг, и там сразиться с наглым великаном из царств тьмы лицом к лицу и с глазу на глаз. Все это”, — продолжает Вилмар, сам похожий на неистового фокусника, желающего вызвать призрак Темных Веков из могилы, — “все это не во власти конгрегации или министерства, которые не наделены необходимыми полномочиями, поручением, мандатом и властью. Собрание (*то есть* миряне) не в состоянии смотреть в яростные глаза дьявола; ибо то, что предсказано о последних днях, что даже избранные, если это возможно, будут соблазнены, с большей силой относится к особому появлению сатаны в этом мире: перед ним собрание рассеивается, как снежные хлопья, не соблазненное, но напуганное до смерти. Только мы (духовенство) не окаменели и бесстрашны; ибо тот, кто отверг князя мира сего, поставил нас перед ужасным змеиным оком архидемона, перед его богохульными и презрительными устами, перед его адски искаженным лицом”.^[12] Эти слова из-под пера фанатичного дуалиста нашего времени хорошо отражают, как указано выше, общепринятые взгляды Средневековья; и поэтому не стоит удивляться тому, что средневековые поколения, отказавшись от личности, опрометчиво бросились врассыпную. , чтобы спастись, в объятия магического института освобождения. Явления, описанные на следующих страницах, не покажутся такими произвольными и странными после этого вводного взгляда на философию средневековья, какими они могли бы показаться на первый взгляд. Даже они являются продуктом внутренней необходимости. Если бы было возможно — а прискорбных попыток недостаточно — возродить в мыслях, чувствах и воображении человечества догмы средневековья, мы стали бы свидетелями частичного воспроизведения их ужасных сцен. Их изображение представляет не только чисто исторический интерес, но также поучительный и практический.

II.

МАГИЯ ЦЕРКВИ.

Магия - предвестница Науки. В истории развития человечества смутное восприятие предшествовало ясному, а господство воображения - господству разума. Прежде чем последняя смогла взять на себя трудоемкую задачу связать воедино по своим собственным законам факты внешнего и внутреннего опыта, — прежде чем возникла какая-либо философия или естествознание, воображение всюду работало над созданием магии.

Подобно науке, магия в ее первоначальной форме основана на принципе, что все существующие вещи взаимосвязаны. Наука ищет связующие звенья как дедуктивно, так и индуктивно; магия, ищущая поддержки во внешнем сходстве между существующими вещами[13] и в смутной уверенности в силе воли и слов, свободно устанавливает эту связь посредством произвольных ассоциаций между несочетаемыми объектами. Человек, вовлеченный в борьбу за физическое существование, стремится в ней не столько к теоретическому *знанию*, сколько к практическим *возможностям*. Знание тайн предоставит средства стать приемлемым для своего Бога, недоступным для вредных влияний и хозяином своего настоящего и будущего существования и судьбы.

Магические обычаи, существующие у каждого народа, представляют собой почти бесконечное разнообразие форм. В конце концов, однако, все они могут быть сведены к одному типу.

Повседневный опыт учит, что между каждой причиной и ее следствием существует определенное пропорциональное количество силы. Теперь, поскольку эффект, на который нацелено обращение к магии, имеет экстраординарную природу, средства, которые предписывает магическое искусство, должны обладать экстраординарной эффективностью, такой, какую разум не может предсказать ни *априори*, ни индуктивным рассуждением. Более того, опыт учит нас, что воля, как простое инертное желание, еще не выраженное в действии, не достигает своей цели. Следовательно, магическую силу нельзя искать в простой воле как таковой, но необходимо добавить действие, ту работу чувств, которую воля использует как средство, в которой она проявляется, независимо от того, зависит ли сила этого средства чувств, как предполагает первоначальная магия, от его мистической, но необходимой связи с соответствующим объектом в высшей сфере (например, связь между металлами и планетами), или, как в Церковной магии, от произвольного решения Бога, предписывающего, что данное средство, используемое в соответствии с предписаниями воли, произведет эффект, непостижимый разумом. Следовательно, во всякое применение магии входит, во—первых, субъективный духовный фактор — воля (на языке Церкви - вера); во-вторых, чувственные средства - фетиш, амулет, святая вода, воинство, формула экзорцизма, церемония и т.д.; и в-третьих, непостижимая (“сверхъестественная”) сила, которой это средство, присвоенное волей (или верой), обладает в магическом акте.

Вера в магию встречается у всех народов. Приверженцам унитаристских взглядов было суждено все больше и больше отодвигать ее на задний план из-за роста спекуляций и естествознания. У них также существовала всего лишь одна форма магии, хотя те, кто владел ее секретом, считались способными применять ее как с полезной, так и с вредной целью. Только среди народов, придерживающихся дуалистических взглядов, мы встречаемся с магией в двух формах: у жрецов — *с белой* и с *черной*, причем первые как добрый дар Ормузда, вторые как злой дар Аримана; у христиан средневековья - *снебесной* магией и с *дьявольской*, причем первое является привилегией Церкви и даровано Богом как оружие для победы над сатаной; последнее - адское искусство для дальнейшего развития неверия и зла. Согласно

унитаристской теории, магия является лишь подготовкой к натурфилософии и постепенно уступает ей место, пока не оказывается ограниченной низшими классами как пережиток прошлой стадии развития. Дуалистические религиозные системы, напротив, сливаются в тесный союз с магией, наделяют ее той же универсальной и вечно действующей силой, которую они приписывают себе, и возводят ее на свой собственный трон в форме божественной и сакраментальной тайны. Только так вера в магию может наложить свою особую печать на целые эпохи и периоды культуры; только так — после ее разделения на небесную и дьявольскую и в той причинной связи с временным или вечным благом или горем человека, в которую она помещена, — она обретает абсолютную власть над воображением и эмоциями людей.

Наше рассмотрение магии средневековья может начаться с описания небесной или привилегированной магии, то есть *магии Церкви*; чтобы мы могли естественным образом перейти к магии *ученых*, пользующейся дурной репутацией (астрология, алхимия, колдовство), и преследуемой *популярной* магии (в которой Церковь видела истинно дьявольскую форму); и закончить рассказом об ужасной катастрофе, вызванной яростным противостоянием между ними.

Автор не виноват, если читатель находит в магии Церкви карикатуру на то, что свято, в которой комический элемент уравнивается отталкивающим. Чем более объективным должно быть сделано представление, тем более неприятными становятся его особенности. В таком случае мы будем кратки.

Подобно заботливой матери, Церковь лелеет человека и заботится о нем, окружая его от колыбели до могилы своей магической защитой. Вскоре после рождения ребенка священник должен быть готов окропить его святой водой, которая молитвой и заклинаниями была очищена от скверны демонов, населяющих даже эту стихию. Ибо слабое существо, рожденное во грехе и по природе принадлежащее Люциферу, без благодати крещения было бы навеки потеряно для небес и навечно обречено на адские муки.^[14]

Поэтому не один добросовестный служитель Церкви пытался изобрести какие-нибудь средства, с помощью которых спасительная вода могла бы попасть в контакт с ребенком до того, как она увидит свет. Тем не менее, эта мера предосторожности так и не была официально принята. Эффективность крещенской воды превосходит эффективность воды из бассейна Вифезда, которая устраняет только телесные немощи. Крещение спасает миллионы душ от ада. Предвидя это, дьявол, исполненный злых умыслов, решил еще до возникновения христианства унижить и презирать это таинство, заранее сделав его копию в установленных им мистериях Митры, которые в других отношениях нагло подражают мистериям Церкви.

При крещении с водой взаимодействуют другие средства, освященные священником: масло, слюна (которой священник после крещения позволяет упасть на ребенка и эффективность которой описана в Евангелии от Марка vii. 33), соль, молоко и мед.^[15] Кроме того, существуют крестное знамение и заклинание, которые изгоняют искушителя из ребенка и подготавливают место для Святого Духа. С помощью этих магических церемоний ребенок принимается в Церковь и с этого момента становится участником защиты, которую она дает от зла.

Крещеная, или святая вода, когда ее пьют больные и немощные, исцеляет и укрепляет; если ее окропить поля, способствует плодородию или дать домашним животным, дает им защиту от колдовства.

Как крещение является первым спасительным и освящающим таинством, совершаемым над человеком, так и елеосвящение, совершаемое над умирающим, является последним. Между ними евхаристия является постоянным источником силы и освящения, — евхаристия, в которой “Хлеб и вино, возлагаемые на алтарь после совершенного освящения, являются истинными плотью и кровью Бога, к которым руки священника прикасаются ощутимо для чувств (*sensualiter*) и которые пережевываются зубами верующего”.^[16] Когда священник произносит формулу преобразования, он возвышает воинство,^[17] теперь уже не хлеб, а тело Христово, тело Христа. прихожане преклоняют колени, и звон колоколов возвещает окрестностям, что совершено величайшее из всех магических деяний. Вкушаемая верующими плоть Христова входит в их собственную плоть и кровь и чудесным образом укрепляет как душу, так и тело.^[18] Еретики в Аррасе, которые верили, что праведность необходима для спасения, и сомневались в доктрине пресуществления, были обращены, как только епископ Герхард сказал им, что во времена Григория Великого освященный хлеб принял перед сомневающейся женщиной форму кровоточащего пальца Христа. Благочестивый отшельник, которого начали одолевать те же сомнения, вновь обрел веру, когда во время Причастия увидел ангела, приставившего нож к младенцу Иисусу в тот самый момент, когда священник преломлял хлеб. В легендах и хрониках много рассказывается о евреях, которые тайно раздобыли воинство и, чтобы отомстить Христу, проткнули его ножом, увидев, как обильно потекла кровь; иногда, действительно, красивый истекающий кровью мальчик внезапно открывал себя. Такие истории, которые свободно распространялись, привели к жестоким преследованиям (как в Намюре в 1320 году).^[19]

Если евхаристия - это принятие пищи, которая укрепляет верующих в их борьбе с грехом, то крестное знамение следует рассматривать как его меч, а священный амулет - как его доспехи. Крест - это знак, в котором христианин должен победить. [*In hoc signo vinces.*] С нее он должен начинать каждое действие; с нее он отражает каждую атаку демонов. “Тому, кто желает убедиться в этом, - говорит святой Афанасий, - нужно только осенить себя крестным знамением, которое стало таким смешным для язычников, перед насмешливыми заблуждениями демонов, обманом оракулов и волхвов; и тотчас же он увидит, как дьявол бежит, оракулы посрамлены и вся магия и колдовство отомщены”. Амулеты, используемые Церковью, разнообразны: медали с изображением Марии, освященные изображения, особенно так называемые агнцы Божьи^[20] (*agnus Dei*), изготовление и продажа которых папской буллой 1471 года закреплены за главой Римской церкви. Если они приносят духовенству огромные суммы денег, то они также обладают огромной властью. Они защищают от опасностей, связанных с огнем или водой, от бури и града, болезней и колдовства.^[21] Наряду с амулетами разнообразно используются так называемые заготовки для зачатия, которые монахи-кармелиты продают за небольшую сумму. Эти заготовки сделаны из освященной бумаги и при проглатывании излечивают естественные и сверхъестественные болезни; положенные в колыбель, защищают ребенка от колдовства; закопанные в углу поля защищают его от непогоды и вредных насекомых. Зачатие-заготовки кладут под пороги домов и амбаров, прикрепляют к пивным бочонкам и масленкам, чтобы предотвратить колдовство. Они изготовлены монахами в соответствии с аутентичным формуляром, который, как характерный и сравнительно краткий, заслуживает цитирования:—

“Я заклинаю тебя, бумага (или пергамент), ты, служащая нуждам человечества, служащая хранилищем чудесных деяний Бога и святых законов, поскольку также согласно божественному повелению на тебе был написан брачный контракт между Товией и Саррой, в Священных Писаниях говорится: они взяли бумагу и подписали свой брачный завет. Через тебя, о бумага, ангел победил и дьявола. Я заклинаю тебя Богом, Господом вселенной (крестное знамение!), Сыном (крестное знамение!) и Святым Духом (крестное знамение!), Который расстилает небеса как пергамент, на котором божественными буквами описывает свое величие. Благослови (крестное знамение!), о Боже, освяти (крестное знамение!) эту бумагу, чтобы она могла помешать работе дьявола!

“Тот, кто носит при себе эту бумагу, написанную святыми словами, или прикрепляет ее к дому, будет освобожден от посещений сатаны через того, кто придет судить живых и мертвых.

“Давайте помолимся.

“Могущественный и непоколебимый Боже, Бог отмщения, Бог наших отцов, Который открыл через Моисея и пророков книги твоего древнего завета и многие тайны Твоей доброты, и сделал так, что Евангелие Твоего Сына было написано евангелистами и апостолами, благослови (крестное знамение!) и освяти (крестное знамение!) этот документ, чтобы твое милосердие стало известно всякой душе, которая понесет с собой эту святыню и эти святые буквы; и чтобы все гонения на него со стороны дьявола и бурь сатанинских сил прекратились”. колдовство может быть пресечено через Христа, Господа нашего. Аминь.

“(Бумага, которую нужно окропить святой водой.)”

Вместе с амулетами и этими заготовками для зачатия в оружейной палате Церкви хранятся чудотворные реликвии и изображения святых. Бог милостиво predetermined, что Церковь не должна прекращать свою битву с силами греха из-за нехватки оружия. Ее наступательные и оборонительные приемы разнообразны. Его воины, жрецы, подобны рыцарям, закованным в кольчугу с головы до ног и вооруженным копьем, мечом, кинжалом и утренней звездой. Почти в каждом округе есть свои сокровища с реликвиями, которые, хранясь в святынях и выставляясь в торжественных случаях благочестивым людям, составляют его палладиум, препятствуют нападению враждебных сил и смягчают или предотвращают разрушительные последствия эпидемий. Не только материальные мощи святых и мучеников, но и все, к чему они могли прикасаться при жизни, да, даже самые капли росы на их могилах, являются ужасом для демонов и средством укрепления духа и тела для верующих. О чудесных свойствах изображений рассказывается в сотнях легенд. По прямому указанию божественной силы между ними и людьми, которых они представляют, непрерывно существует мистическая связь. На это святой Иероним проливает некоторый свет, когда он восклицает против Вигилантия, который слепо выступал против поклонения изображениям: “Ты смеешь предписывать законы Богу! Вы осмеливаетесь заковать апостолов в цепи, чтобы их держали в тюрьме даже до Судного Дня, и им отказано в привилегии быть со своим Господом, хотя написано, что они будут с Ним, куда бы они ни пошли! Если Агнец вездесущ, мы должны верить, что те, кто с Агнцем, тоже вездесущи. Если дьяволы и демоны бродят по миру и благодаря своей непостижимой скорости передвижения присутствуют повсюду, то должны ли тогда мученики, пролив свою кровь, оставаться запертыми в своих гробах и никогда не иметь возможности покинуть их!”

Как старость и смерть являются последствиями грехопадения Адама, так и почти все болезни, вызванные той властью над телесной природой человека, которая была передана сатане, когда Бог наложил свое проклятие на человечество. Так же и остальные болезни и немощи человека, справедливо или ошибочно называемые естественными, с величайшей уверенностью излечиваются с помощью Бога. Поэтому посредник между Богом и людьми, Церковь, через своих служителей является единственным надежным и единственно законным врачом. [*“Действие сананди существует в церкви за веру, ритуал, изгнание бесов, аквам, салем, травы, недумание противостоять дьяволу и магическим эффектам, сед и всемогущество.”*]

Священник совершает исцеления от имени Церкви и во имя Бога посредством молитвы, возложения рук, экзорцизма, реликвий и освященных природных средств, особенно воды, соли и масла. Делая это, он действует как видимый представитель невидимого высшего врача, святого, назначенного Богом быть исцелителем болезни. Ибо у каждого недуга есть свой врач в рядах святых. Святой Валентин лечит эпилепсию, святой Гервасий - ревматические боли, святой Михаил Санатис - рак и опухоли, святой Иуда - кашель, святой Овидий - глухоту, святой Себастьян - заразную лихорадку и ядовитые укусы, святая Аполлония - зубную боль, святые Клара и Святая Люсия - глазной ревматизм и так далее. Легенды повествуют о чудесных эффектах целебных сил, которыми обладали святой Дамиан, святой Патрик и святой Хьюберт. Последний из них излечил ужасную болезнь гидрофобии. В монастырях Люксембурга, названных в честь этого святого, от гидрофобии излечивались спустя много лет после его смерти, принося страдающего в церковь во время службы и вдавливая волос с мантии святого в небольшой разрез, сделанный по этому случаю у него на лбу. Для тех, кто жил далеко от монастыря, были освящены так называемые “повязки Хуберта” и “ключи Хуберта”; их прикладывали к ране, раскаленные добела. [22] Подобных лечебных учреждений могли бы быть упомянуты сотни.

Среди всех недугов состояние одержимости бесами занимает самое замечательное место в летописях Церкви, и считается, что для его излечения требовались самые мощные экзорцизмы. Церковная патология провозглашает, что в этой болезни дьявол проявляется открыто, в то время как во всех других он скрыт. Экзорцист, который должен изгнать дьявола, появляется в полном священническом облачении; зажигаются благовония и освященные восковые свечи, все предметы, окружающие бесноватого, окропляются святой водой, воздух вокруг очищается произнесением определенных формул; затем следуют горячие молитвы и, наконец, отчаянная и ужасная борьба между демоном, который теперь конвульсивно выворачивает конечности своей жертвы и произносит своими устами самые ужасные богохульства, и священником, который применяет все более и более могущественные заклинания, пока победа окончательно не будет за ним.

Светское медицинское искусство— полагающееся на естественные средства, следует презирать либо как излишнее, либо как сильно запятнанное ересью. Вскрытие с целью исследования строения человеческого тела - это самонадеянность; об этом можно даже спросить с полным основанием, если это не свидетельствует о презрении к доктрине окончательного воскресения. Следовательно, светское искусство врачевания долгое время было доступно только неверным евреям. Но когда принцы и богатые люди, слабо понимая недостаточность слова, реликвий и освященных лекарств, начали содержать врачей, светское искусство врачевания стало прибыльной профессией, и под королевским покровительством были созданы школы для его совершенствования. Такова ситуация в Салерно, к которой хранители Сиона не могут относиться без подозрения. Это школа, которая предписывает

педантичные правила питания, как будто диета может защитить человека от нападков дьявола! Греческий язычник Гиппократ, который долгое время скитался с евреями и арабами, таким образом, находит, наконец, оседлое пристанище в его стенах, — Гиппократ, которому пришлось утверждать о демонизме (*священной смерти*), что это “ни в коем случае не более божественное, ни в коем случае не более адское заболевание, чем любая другая болезнь!” Когда учитель таков, какими должны быть ученики? Церковь не будет полностью запрещать медицинскую практику, поскольку она может принести некоторую пользу в случае внешних повреждений или во время эпидемии; но она должна строго следить за ортодоксальностью тех, кто культивирует это искусство. На нескольких соборах (например, в Реймсе в 1131 году, на втором Латеранском в 1139 году и в Туре в 1163 году) она строго запрещала своим слугам иметь какое-либо отношение к этой подозрительной профессии. Опыт, однако, научил не преувеличивать опасности, связанные с этим. Светские врачи часто вынуждены признавать, что такая-то болезнь вызвана колдовством и, следовательно, имеет сверхъестественное происхождение. Клеветники могут утверждать, что такое заявление более удобно, чем расследование причин заболевания естественным путем, и менее неприятно, чем признание своего невежества. Но как бы то ни было: уступка подразумевает признание сверхъестественности Церкви и поэтому может быть скорее рекомендована, чем осуждена.

“Догма веры заключается в том, ” говорит Фома Аквинский, “ что демоны могут вызывать ветер, бури и огненный дождь с небес. Атмосфера - это поле битвы между ангелами и дьяволами. Последние наносят постоянный вред человеку, первые - его мелиорации; и следствием этого является переменчивость погоды, которая угрожает разрушить надежды земледельцев. И когда Люцифер способен даровать даже человеку — колдунам и волшебницам — силу уничтожать поля, виноградники и жилища человека дождем, градом и молнией, стоит ли удивляться, что Церковь, которая является защитой человека от дьявола и чье особое призвание - бороться с ним, должна и в этой сфере быть его противовесом и должна изыскивать из сокровищницы своей божественной силы средства, достаточные для того, чтобы пресекать его атмосферные происки? К этим средствам относятся церковные колокола, при условии, что они были должным образом освящены и крещены. Устремленные ввысь шпили, вокруг которых громоздятся низкие жилища людей, когда на них звонят колокола, можно сравнить с курицей, расправляющей крылья, защищая своих цыплят; ибо звуки освященного металла отгоняют демонов и отвращают бурю и молнию” (“*Vivos voco, mortuos plango, SULPHURA FRANGO*”, обычная надпись на церковных колоколах). Земледельцы, которые желают особой защиты своих урожаев от Церкви, платят ей десятину за благословение. Во время затяжной засухи священники совершают заступничество и открывают процессии дождя, во время которых изображения Богородицы выносят на поля, которые окропляют святой водой под пение оберегов от непогоды.^[23] Если поля посещают вредные насекомые, у Церкви есть средства и против них. Он приказывает им от имени Бога удалиться, и если они не повинуются, против них возбуждается обычный процесс, который заканчивается их примерным наказанием, поскольку они отлучаются от Церкви. К подобным процессам очень часто прибегали в Средние века, и мы приведем пару таких примеров.

В 1474 году майский жук совершил большие опустошения в окрестностях Берна. Когда власти города обратились к епископу Лозанны Бенуа де Монферрану за помощью в борьбе с этим бедствием, он решил издать письмо об отлучении от церкви, которое было торжественно зачитано священником на церковном дворе Берна. “Ты иррациональное, несовершенное создание, ты, майский жук, - так начиналось письмо, - ты, вид которого никогда не заключался в

Ноев ковчег! во имя моего милостивого господа, епископа Лозаннского, силой прославленной Троицы через заслуги Иисуса Христа и повиновением, которым вы обязаны Святой Церкви, я приказываю вам, майские жуки, всем в целом и каждому в отдельности, удаляться ото всех мест, где прорастает пища для людей и скота”. Письмо заканчивается призывом к насекомым явиться на шестой день после этого, если они не исчезнут до этого времени, в час дня пополудни в Вивельсбурге и взять на себя ответственность перед судом милостивого лозаннского лорда. Это письмо также было зачитано с кафедры, в то время как прихожане, преклонив колени, повторяли “три Патерностера и три Аве Мария”. Заранее были приняты меры к судебному разбирательству со строгим соблюдением всех профессиональных форм. Среди них, конечно, было то, что у обвиняемого должен быть адвокат. Но поскольку ни один адвокат в Берне не согласился выступить в защиту насекомых, епископ разработал план вызова из ада тени печально известного адвоката по имени Перродэ, умершего несколькими годами ранее, и поручил ему защищать дело майских жуков с тем же усердием, которое он так часто проявлял при жизни в защиту мерзких клиентов. Но, несмотря на многочисленные вызовы, ни Перродэ, ни его клиенты не соизволили явиться. По истечении времени, установленного для начала защиты, и когда были устранены определенные сомнения относительно надлежащей формы процедуры, епископальный трибунал наконец вынес свой вердикт, которым было отлучение от церкви во имя Святой Троицы “вас, проклятых паразитов, называемых майскими жуками, и которых нельзя даже причислять к животным”. Правительство приказало властям пострадавшего района сообщить о положительных последствиях отлучения от церкви; “Но, ” жалуется хроника того времени, - никакого эффекта не наблюдалось из-за наших грехов”.

Поскольку считалось, что любое пренебрежение юридическими формами лишает судебное решение как магической, так и юридической силы, при проведении этих часто повторяющихся процессов проявлялась самая тщательная осторожность в отношении майских жуков, кузнечиков, капустных червей, полевых крыс и других вредных паразитов. До сих пор сохранился подробный и яркий документ ученого Бартоломеуса Хассанея (родился в 1480 году), в котором тщательно рассматривается вопрос, следует ли и каким образом преследовать таких вредителей в судах: должны ли они являться лично или через заместителя; подлежат ли они духовному или светскому суду и может ли к ним быть применено наказание в виде отлучения от церкви. Он доказывает на многих основаниях, что юрисдикция, которой они подотчетны, является духовной, и что они могут быть должным образом отлучены от церкви. Тем не менее вопрос о юрисдикции оставался нерешенным, и гражданское преследование полевых крыс в Тироле в 1519-20 годах доказывает, среди прочего, что светский трибунал иногда считал себя оправданным при рассмотрении таких исков. Крестьянин Симон Флисс предстал перед Вильгельмом из Хасслингена, судьей Глурнса и Малса (обер-ин-вэлли), в качестве истца против полевых крыс, которые совершали большие грабежи в его приходе. Затем суд назначил Ганса Гриненбнера, гражданина Глурнса, адвокатом обвиняемого и предоставил ему в присутствии свидетелей необходимые полномочия. Вслед за этим истец избрал своим адвокатом Шварца Минига и получил от трибунала по первому требованию аналогичное разрешение на него. В день судебного разбирательства, в среду после дня Святого Филиппа и святого Иакова, были допрошены многие свидетели, установившие, что крысы причинили большие разрушения. Затем Шварц Миниг в последний раз обратился с просьбой обязать вредных животных прекратить причинять вред, поскольку в противном случае жители Стилфа не смогут выплачивать ежегодную десятину своему высокому покровителю. Гриненбнер, адвокат защиты, не мог и не хотел делать исключений из показаний, но пытался убедить суд в том, что его

клиенты “пользовались определенным правом узурпации, в котором им вряд ли можно было отказать”. Если бы суд придерживался другого мнения и счел за лучшее выдворить их, он все же надеялся, что им сначала будет предоставлено другое место, где они могли бы прокормить себя. Кроме того, при отъезде им должен быть предоставлен достаточный эскорт, чтобы защитить их от врагов, будь то кошки, собаки или другие противники; и он также надеялся, что, если какая-нибудь из крыс забеременеет, у них будет время, чтобы они родились и впоследствии улетели в безопасности со своим потомством. Решение было вынесено в следующих выражениях: “После обвинения и защиты, после заявлений и опровержений, и после должного рассмотрения всего, что относится к правосудию, этим приговором определено, что эти вредные животные, называемые полевыми крысами, должны в течение двух недель после опубликования этого решения покинуть поля и луга Стилфа и навсегда оставаться вдали от них. Но если одно или несколько животных беременны или неспособны из-за своей молодости последовать за ними, то в течение следующих двух недель они должны находиться в безопасности и под защитой кого бы то ни было, а по истечении этих двух недель отбыть”.

Мы можем составить некоторое представление об огромной силе молитвы и экзорцизма, если примем во внимание, что влияние воли и идеи, выраженные в слове, взаимодействуют в них с силой самого слова как простой формы. Что касается материального слова, звука, улавливаемого ухом, формулы как таковой, то они оказывают магическое действие, даже если человек не знает их значения. Массе людей с их незнанием официального языка Церкви и учености было бы плохо, если бы эти “Патерностеры” и “Аве Мария”, заучиваемые наизусть без понимания их, были духовно неэффективны, — если бы латинской мессе, которую слушает паства, не хватало назидательной и освящающей силы, потому что она не была понята. По этой причине церковные уставы, установленные в разное время и для различных целей, имеют большое значение, и им необходимо добросовестно следовать.^[24] Здесь можно привести единственное доказательство их необычайной силы. В 1532 году дьявол вознес на небеса огромную комету, которая угрожала земле и людям засухой и мором; но папа торжественно изгнал зловещее предзнаменование, — и вот! за короткое время она исчезла, день ото дня уменьшаясь из-за силы папской анафемы. На то, какую пользу может принести святое слово только благодаря своему звучанию (*flatus vocis*), указывает легенда о ручном скворце, который был спасен из когтей ястреба как раз в тот момент, когда предсмертная агония вырвала из него слова, которые он выучил повторять: “Аве Мария”.

На силе слова, как на своей основе, зиждется папский обычай освящения хлеба, вина, масла, соли, свечей, воды, колоколов, полей, луговин, домов, штандартов и оружия. “Таковыми злоупотреблениями, такими суевериями и дьявольскими уловками было наполнено духовенство во время папского правления”, — так жалуется старый протестантский богослов, который обратил внимание на тот избыток магии, которым католическая церковь обладала сверх лютеранской, но который был слеп к общему благу, — “и поэтому такие вещи в моде даже среди простых людей. Что было главным в мессе, если не чудотворные слова благословения, когда священник произносил четыре слова или шесть слогов *“Hoc est corpus meum”* (сие есть тело мое) над хлебом, дышал на него и трижды осенял его крестным знамением, делая вид, что таким образом хлеб превращается в плоть Христа? Точно так же он превратил вино в чаше в кровь Христа, хотя слогам и словам не дана такая сила. Он связывал Святого Духа с водой, солью, маслом, свечами, специями, камнем, деревом или землей, когда освящал церкви, алтари, погосты, когда благословлял мясо, яйца и тому подобное, и когда в канун Пасхи он освящал

огонь, чтобы он не причинил вреда (хотя я, спаси меня Бог, узнал, что наша деревня была полностью уничтожена через четыре дня после такого освящения), когда он крестил и освящал колокола, чтобы их звон мог рассеять злые влияния, утихомирить бури и тому подобное”.

Организацию монастырей следует рассматривать как оборонительную систему Церкви, охраняющую территорию, которую она завоевала от дьявола. Как монголы при своем вторжении в Европу обнаружили бесчисленные кручи, увенчанные сильно укрепленными замками, само количество которых сдерживало любую попытку осады, так и сатана и его воинство обнаружили, что христианский мир усеян духовными твердынями, каждая из которых включает в себе арсенал, наполненный мощным оружием как для наступательной, так и для оборонительной войны. В каждом монастыре есть свой мастер-маг, который продает *тагни Деи*, заготовки для зачатия, магические благовония, соль и свечи, освященные в День Сретения Господня, пальмы, освященные в Вербное воскресенье, цветы, политые святой водой в День Вознесения Господня, и многие другие приспособления, принадлежащие к великому магическому аппарату Церкви.

Эта освященная техника была настолько разнообразна и совершенна, что можно было ожидать, что люди будут довольны, и не будут искать других средств, кроме тех, что постоянно находятся под рукой. Но, увы! народная магия адского происхождения распространилась повсюду и свирепствует бок о бок со святой магией Церкви; и с ее помощью сатана искушает беспечных, любопытных и нерешительных. Даже многие священники заражены этим. Святой Бонифаций и многие папы и монахи-хронисты после него горько сетовали на то, что низшее духовенство составляет любовные зелья и практикует гадательные искусства, используя даже священные принадлежности Церкви, как воинства, для усиления эффективности своих дьявольских чар.

Поскольку Церковь пытается привести все условия жизни к гармонии с самой собой, из этого естественно следует, что она накладывает свою печать и на человеческую юриспруденцию. Испытания, которые, как он обнаружил, применялись некоторыми обращенными им народами, в точности соответствуют его системе. Следовательно, он воспринимает их как основанные на правильной идее, [25] делает их тем, чем они не были раньше, обычной практикой и дает подробные правила, касающиеся песнопений, молитв, заклинаний и месс, которыми они должны сопровождаться. Например, когда человек, находящийся под обвинением или подозрением, должен пройти испытание водой, священник должен отвести его в церковь и заставить преклонить колени для произнесения трех формул, в которых к Богу обращаются с мольбами о защите. Затем следует месса и святое причастие. Когда обвиняемый получает облатку, священник говорит: “Пусть эта плоть Господа нашего будет твоим испытанием сегодня”. Затем в торжественной процессии толпа свидетелей направляется к месту, где должно состояться испытание. Священник закликает воду, изгоняя демонов, присущих этой стихии, и приказывает ей стать послушным инструментом Бога для выявления невиновности или преступления. Обвиняемый одевается в чистую одежду, целует крест и Евангелие, читает Молитву “Отче наш” и осеняет себя крестным знаменем. Затем (при испытании горячей водой) его руки опускают в кипящий котел или бросают со связанными руками и веревкой вокруг пояса в реку. Если он после этого не утонет, его вина будет доказана. Испытание огнем состоит в том, чтобы ходить по раскаленным углям, или нести раскаленное железо, или быть проташенным сквозь пламя в рубашке, пропитанной воском. Подлинность реликвий также иногда проверяется испытанием огнем. Когда в 1010 году нашей эры несколько монахов, вернувшихся

из Иерусалима, показали полотенце, которым ученики вытирали ноги Христа, возникли некоторые сомнения в его подлинности, но все они были устранены этим испытанием. Одно из самых распространенных испытаний - дуэль.

Бог, к которому призываются служители Церкви, держит свою руку защиты над невинностью. Любое сомнение в этой истине свидетельствует о малодушии, граничащем с атеизмом. Эта мысль лежит в основе не только различных видов испытаний, но и пыток, которые, постоянно расширяясь и усиливаясь под покровительством Церкви, были формой судебного разбирательства, избавляющей судью от большого труда и ведущей к цели более уверенно, чем сопоставление показаний, которое, помимо того, что утомительно, вряд ли когда-либо приносит полную уверенность. Седрах, Мисах и Авденаго не чувствовали боли в раскаленной печи. Бог дает невинным на дыбе если не нечувствительность к боли, то, по крайней мере, силу вынести ее. Но даже архидемон, в определенной степени, может защитить своих подданных. Поэтому в случае с еретиками и ведьмами необходимо прибегнуть к самым жестоким пыткам; истощить, так сказать, до последней капли источники боли в человеческих нервах под рукой опытных мучителей. Если, таким образом, орудия пыток предварительно заклинены и освящены священником, и если он стоит рядом с обвиняемым, готовый постоянными вопросами прерывать дьявольские формулы облегчения, которые, несомненно, страдалец бормочет про себя, то разумно ожидать искреннего и достоверного признания, несмотря на все попытки дьявола добиться обратного. В “Молоте ведьм” (Malleus Malificarum) церковный и магический план правосудия празднует свой триумф. Эта работа, одобренная папой римским, содержит полные инструкции для судьи, председательствующего на процессах над ведьмами. По сути, это молоток, который сокрушает все, на что падает. Судья, который тщательно следует этим указаниям, может быть уверен, что сам сатана не может спасти никого, кто находится под обвинением; только Бог и его святые ангелы могут спасти его прямым чудом от смерти в огне.[26]

Тот, кто считает судебную систему, постоянно апеллирующую к заступничеству Бога, сомнительной ценностью, может считать, что история Церкви, опыт ее святых и служителей - это череда божественных чудес. Бог не стесняется своих чудес, когда их признают, и слуги Церкви обладают апостольской властью и мандатом совершать их.

Другой вопрос в том, как отличить божественные чудеса от адских? Все попытки самых проникательных схоластов установить правило четкого разделения этих двух видов чудес потерпели неудачу. Они проявляются в идентичных формах, и даже моральное восприятие не может обнаружить разницы, поскольку сатана способен превращаться в ангела света. Разум также должен признать свою неспособность даже в этом отношении и положиться на Святого Духа, всегда действующего в Церкви и особенно в ее главе. Сила божественной истины и вдохновения, которая была излита на апостолов в день Пятидесятницы, была передана подобно магнетическому потоку от Петра, первого епископа Рима, его преемникам через возложение рук и в определенной мере передается через таинство рукоположения каждому члену клирической иерархии.

Представленный выше обзор магии Церкви, возможно, следует завершить, не следуя утомительному пути, который лежит перед нами через непрерывное описание церковных обычаев и мнений, но просто сформулировав общую истину: *каждый символ, каждый внешний*

знак, которому приписывается независимая сила освящения и непосредственное моральное влияние, является *Магией*. Пусть протестантский читатель, для которого мы здесь пишем, проанализирует с помощью этой максимы, насколько Реформация, направленная на восстановление внутренней власти - разума и свободной воли личности — в ее правах, преуспела в своей задаче. Лютер и Кальвин подвергли критике многие магические обычаи и обрезали множество ветвей с древа дуализма, но все же позволили его мощному стволу остаться невредимым. Но дуалистическая религиозная система должна, из-за неразумной космической теории, на которой она основывается, рано или поздно снова атаковать внутренний авторитет и сделать себя единственной и абсолютной внешней. Оно неизбежно должно выродиться в скульптурный фетишизм или пасть перед лицом полной унитарной реформации. Наши дни являются свидетелями конфликта между этими противоположными идеями. С одной стороны, вера в личного духовного противника человечества, проповедуемая массам с тысячи кафедр, висит дамокловым мечом над головой цивилизации; с другой стороны, философия и наука о природе распространяют рациональную и унитарную теорию вселенной и человеческого существования по постоянно расширяющемуся кругу. Тому, кто желает принять участие в этой важнейшей борьбе, мы бы порекомендовали следующие слова благородного Бунзена:^[27] “Везде, где в религии, или государстве, или цивилизации, в искусстве или науке внутреннее развивается более интенсивно, а духовное искренне ищется, будь то с большей или меньшей трансформацией существующего, прогресс налицо; ибо из внутреннего жизнь переходит во внешнее, от центра к периферии. Есть также путь, ведущий к жизни. Там душе открываются новые пути, и гений с божественной уверенностью поднимает свои крылья. Если это верно, то обратное должно иметь место везде, где внешняя жизнь становится все более и более возвышенной, где знак все больше вытесняет сущность-смысла, символ и внешняя работа - внутренний акт и совесть, где поверхностность принимается за содержание, внешнее однообразие - за единообразие жизни, а видимость - за истину. Там нас ждет несчастливое будущее, каким бы ни было настоящее”.

III.

МАГИЯ УЧЕНЫХ.

Мы оказываемся в мрачном лабиринте узких извилистых улочек, время от времени выходящих на какое-нибудь открытое пространство перед зданием гильдии или церковью. Объекты, которые встречаются нашему взору в этом странном городе, не требуют паузы или размышления; ибо мы видели, по сути, тот же тип домов и людей во многих других городах, по которым мы бродили в поисках камня мудрости. Поэтому мы продолжаем наш путь. Говорят, что здания университета находятся по соседству, и мы поворачиваем за угол направо, потом снова налево, пока не наткнемся на него. Приближается час лекции. Профессора, облаченные в жесткие мантии и надевающие схоластические шапочки на свои в высшей степени мудрые лбы, направляются к храмам знаний, у порталов которых их ждут стайки студентов. Мы узнаем их

разные и знакомые типы: как обычно, они выглядят новоприбывшими, их щеки все еще сохраняют румянец ранней юности, их сердца все еще смиренны, возможно, они все еще находятся в плену сладостного заблуждения, что стены, за которыми они ждут, являются пропилями ко всем тайнам земли и небес. Столь же легко распознать пергаментных червей, которым суждено однажды засиять как светильникам в Церкви и в области науки, независимо от того, трудятся ли они сейчас бледно и меланхолично над своими *тезисами*, своими *итогами* и *сентенциями*, или с непритворным самодовольством несут драгоценный вес *терминов*, который так заметно возвышает их над невежественной массой смертных. И среди толпы названных первых, еще свежих молодостью, и этих уже высохших педантов, мы находим также широко известный третий класс студентов, авантюристов, собранных со всех сторон под защитой университетских привилегий, - этих джентльменов с бородатыми щеками, лицами, опухшими от пьянства и покрытыми шрамами от сражений, с ужасно длинными и широкими мечами, болтающимися у них на боку, - героев той бесконечной Илиады, которую ученики учения и гильдии разыгрывают по ночам в темноте переулков, которые, возможно, все же когда—нибудь станут самыми благочестивыми из общепринятых. приоры, самые серьезные врачи и самые суровые бургомистры в христианском мире, если только до этого времени они не встретят свою судьбу на виселице, или на поле битвы, или в качестве *вагантов*—школяров в канаве или на обочине дороги.

Можем ли мы войти и послушать некоторые из этих лекций, которые вот-вот будут прочитаны? Наше письмо об академическом членстве откроет нам двери, если мы пожелаем. Слева, в сводчатом зале, профессор медицины начал свою лекцию. С поразительной тонкостью и проникновением он обсуждает чрезвычайно важный вопрос, ранее выдвинутый Петрусом де Абано, но еще не решенный полностью, — “*an caput sit factum propter cerebrum vel oculos*” (была ли голова сформирована ради мозга или глаз). Справа профессор богословия вводит нас в одну из темных тайн Церкви, проветривая вопрос, что бы Петр сделал с хлебом и вином, если бы он распределил элементы, в то время как тело Христа в неизменной реальности все еще висело на кресте.^[28] Чуть дальше в этом заплесневелом хранилище мы находим мастерскую философии, где мастер в искусстве абстрактного рассуждения выводит различие между *universalia ante rem* и *universalia in re*. Вон в той дальней комнате юрист излагает отрывок из “пандектов”. — Или, может быть, вы предпочли бы вообще не выбирать? Вы грустно улыбаетесь. Увы! как и у меня, у вас есть веские причины жаловаться Фаусту:—

У меня есть, увы! Философия,
медицина и юриспруденция тоже,
И, за мой счет, Теология,
которые я с усердием изучил до конца.
И вот я стою здесь, со всеми своими знаниями,
Бедный дурачок, ничуть не мудрее, чем раньше.

и если вы добавите, что он вам нравится,

Поэтому я сейчас занялся магией,

мы вспомним объект наших жгучих желаний, надежду, которая ободряет нас, что, наконец, покров будет сорван с лица образа Исиды и что мы увидим невыразимое лицом к лицу, даже если ее взгляд испепелит нас дотла. Давайте повернемся спиной к этому трагикомическому средоточию науки, где, как и везде, убеленные сединами дураки учат молодых куриц

восхищаться бессмыслицей, а юные орлиные души отчаиваться в знаниях. Отсюда недалеко идти прямо — настолько прямо, насколько позволяют извилистые улочки, — к тому великому магу, который поселился в этом городе. Давайте присядем у ног этого мастера. Там мы утолим нашу жгучую жажду хотя бы несколькими каплями того знания, которое на протяжении прошедших веков текло по подземному каналу, хотя и из тех же источников, что и райские ручьи. И если мы там разочаруемся, что ж, тогда *вы*, если пожелаете, можете утолить свою жажду истины в водовороте удовольствий и приключений. *Я* уйду в монастырь, отыщу самую узкую из его келий, буду бодрствовать, молиться, извергать свою кровь потоками; или я поеду в Индию, сяду на землю и буду смотреть на кончик своего носа, — смотреть на него и никогда не переставать, год за годом, пока не угаснет все сознание. Значит, договорились, не так ли?....

Мы прибыли в самый безлюдный квартал города и на самые унылые окраины квартала, где старые разваливающиеся дома в неразберихе группируются вдоль городской стены, а из их двускатных окон устремлены пустые ипохондрические взгляды на расстилающиеся за ними поля. Башня, венчающая стену форта с этой стороны, теперь служит великому ученому обсерваторией и жилищем, предоставленным ему бургомистром и городским советом. Долгое время он был личным врачом королевы Франции, но теперь удалился в это уединенное место от удовольствий, отличий и опасностей придворной жизни, чтобы спокойно посвятить себя исследованиям. У него есть покровитель в лицекнязя-архиепископа, проживающего в городе; и поскольку профессор богословия подтвердил по просьбе того же князя-епископа свою строгую ортодоксальность, городские власти думали убедить его занять почетную и прибыльную должность городского астролога, не обращая внимания на утверждения монахов, что он был волшебником и что его черный спаниель на самом деле был не кем иным, как самим дьяволом.

Маг никогда не позволяет прерывать себя в своих трудах, будь то размышление о природе духов, наблюдение за небесами или разработка *quinta essentia*, окончательной сущности, с помощью своих тиглей. О, какие всемирные надежды, какие торжественные эмоции, какое невыразимое душевное напряжение должны сопровождать эти исследования! Золото, которое правит миром, здесь падает с древа познания как перезрелый плод в лоно учителя. И что такое золото со всей силой, которой оно обладает, и всеми удовольствиями, которые оно дает, по сравнению со способностью управлять небом, землей и духами ада, по сравнению со способностью вызывать посредством очищения, печатей, знаков и экзорцизма ангелов, парящих в высших сферах, или приручать к повиновению демонов, заполняющих необъятное пространство? И что такое эта сила по сравнению с чистым небесным знанием, ключ к которому дает магия? знание, настолько превосходящее мудрость ангелов, насколько место сына в доме своего отца выше места слуги! Возможно, маг в этот самый момент глубоко поглощен каким-то исследованием и находится на волосок от раскрытия какой-то новой и ослепительной истины. Давайте подумаем, прежде чем осмелимся попросить о допуске. Давайте на минутку остановимся перед этой окованной железом дверью и отдышимся.

Вы, люди науки девятнадцатого века, какими несчастными вы были бы, если бы раз и навсегда не решили свести свои надежды к минимуму! Умереть, когда вы собрали всего лишь одну соломинку и внесли свой вклад в жатву науки, - вот судьба, которой вы подвергаете себя. Тот из вас, кто обратил внимание на доселе неизвестную улитку или цветок, считает, что прожил свою жизнь не напрасно. Открытие формулы, в соответствии с которой можно упорядочить группу явлений, уже является триумфом. Это смирение, которое делает каждого из вас, даже величайшего, лишь незначительной деталью в огромном труде, завершение которого вы

созерцаете на бесконечном расстоянии и сами очертания которого вы игнорируете, — это смирение возвышенно, хотя и чрезвычайно болезненно для устремленной души. Отдельный работник, со своей стороны, отказывается от всякой надежды увидеть всю правду и работает для своего поколения и будущего. Даже философ, берущийся объяснить структуру макрокосма, не видит в своей системе окончательного решения “проблемы космического объяснения”, а лишь звено в длинной цепи развития. Он предвидит крах своих теорий, возможно, удовлетворенный, если следы его ошибки удержат его преемника на более прямом пути. Именно раса, а не индивидуум, участвует в вашей работе; которая продолжает ее, когда вы устали и были забыты. Это коллективная деятельность, подобная деятельности муравьев и пчел. Но маг остается один! Конечно, он получает то, что может предложить прошлое, — но только для того, чтобы окружить себя этим сокровищем и улучшить его с помощью огромного богатства своего собственного разума. Он верит в эту необъятность. Он верит, что силы всех поколений хранятся в недрах отдельного человека, и он надеется в одиночку совершить то, что вы малодушно оставляете множеству неисчислимых веков!

Мы постучали в тяжелую дверь с железными засовами. Она открылась, словно от невидимой руки. Ни один слуга не произнес ни приветствия, ни увещевания, пока мы поднимались по темной винтовой лестнице. Без предупреждения мы вошли в зал великого мага. По сводчатому потолку комнат, чьи зеленые свинцовые оконные стекла пропускали лишь скудный свет, плыл ароматный пар из камеры на дальнем плане, где мы могли видеть самого мага, облаченного в белоснежную мантию, доходящую до пят, и торжественно стоящего рядом с алтарем для воскурения благовоний. На голове у него была диадема, на которой было выгравировано невыразимое имя, *Тетраграмматон*, а в руке он держал металлическую пластину, которая, как мы вскоре узнали, была сделана из электрума и подписана подписями грядущих веков.

Мы остановились и пробормотали слова извинения за то, что помешали ему по нашей вине. Удовлетворенная улыбка появилась на его лице, когда он на мгновение окинул нас взглядом, и он поприветствовал нас.

“Вы те самые люди, прибытия которых я ожидал и вызвать которых стоило мне большого труда, - сказал он. “Вы - духи девятнадцатого века, призванные предстать перед человеком пятнадцатого. Вы призваны из прихожих, где души нерожденных ожидают своего появления на земле. Но образы века, к которому принадлежит ваша будущая земная жизнь, обитают в глубинах вашего сознания. Эти образы вы должны показать мне. Именно для этого я и призвал вас, ибо хочу заглянуть в будущее”.

Меня охватило странное, почти ужасное чувство. Теперь я вспомнил, что я и мои товарищи перенесли, используя средства, активизирующие все репродуктивные силы воображения, из настоящего девятнадцатого века обратно в давно прошедший пятнадцатый, чтобы мы могли увидеть его живым перед нашими глазами, не в разрозненных чертах, как прошлую эпоху обычно изображают в книгах, но во всей полноте ее собственного многообразия. Кто был прав, волшебник или я? Кто был тем, кто только казался живым, он или я? На какой час указывала стрелка на часах времени в тот момент? Допустим, что время - это абсолютно не что иное, как концептуальная форма, не имеющая независимой реальности; пока я живу во времени, я верю в его упорядоченный ход и не желаю видеть, как запутывается его золотая нить. Я не хотел, чтобы

дух, которого я вызвал, стал моим хозяином и низвел меня до уровня продукта его собственного воображения. Я собрался с духом и воскликнул: —

“Мы побродили по многим городам, великий маг, чтобы найти тебя. Наконец-то мы стоим в этом твоём святилище. Мы видим эти мрачные готические арки над нашими головами; мы видим вашу почтенную фигуру перед нами; мы созерцаем эти фолианты и странные инструменты, которые окружают вас; мы выглядываем из этих окон и видим с одной стороны башни и крыши домов, с другой - поля, луга и хижины крепостных, а вон там, вдалеке, замок рыцаря, которого подозревают в ночных нападениях на торговые караваны, приближающиеся к городу. Все эти вещи реальны и присутствуют перед нашими глазами: но, тем не менее, великий волшебник, все это, включая вас самих, *продукт нашей* магии, силы нашего собственного воображения, а не *вашей* магии. Именно для того, чтобы познакомиться с последним, мы и пришли. Не мы должны отвечать на ваши вопросы, а вы на наши.

Волшебник улыбнулся. Он настаивал на своей точке зрения, а я на своей. Спорный вопрос решить не удалось, и он был отложен в сторону. Но вместе с осознанием моей принадлежности к периоду критической активности во мне проснулись сомнения — моя яркая надежда, минуту назад живо надеявшаяся найти в магии ключ ко всем тайнам, быстро угасала.

Я осмотрелся в этом жилище волшебника. На его письменном столе лежал пергамент, на котором он начал записывать гороскоп на следующий год. Рядом со столом стоял небесный глобус с нарисованными разными цветами фигурами. В окне, выходящем на юг, висела астролябия, к алидаде которой был прикреплен длинный телескоп (разумеется, без линз). В книжном шкафу находилось немалое количество фолиантов: "Версия Вульгаты", несколько томов святых отцов, Вергилия, Дионисия Ареопажита, Птолемея, гимны Орфея, Гермеса Трисмегиста, Ямвлиха, "Естественная история" Плиния, большое количество работ по астрологии и алхимии, частично на арабском, а также несколько рукописей на иврите и так далее. Эти и другие подобные вещи можно было найти в его обсерватории, которая была также его студией и спальней. Рядом с обсерваторией находилась алхимическая лаборатория со странно устроенной печью, заполненной необычными инструментами, что снова напомнило мне жалобу Фауста: —

**Ihr Instrumente freilich spottet mein,
Mit Rad und Kämmen, Walz und Bügel.
Ich stand am Thor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt Ihr nicht die Riegel.**

Пока мы оставались здесь, наш хозяин сообщил нам, что на данный момент он приостановил свои эксперименты по алхимии. Он надеялся найти свою *винту эссенцию* с помощью более короткого процесса, чем сочетание веществ и дистилляция, которые уже истощили силы стольких исследователей и привели столь немногих к успеху. Он признал, что сам продвинулся в искусстве адептов не дальше, чем в извлечении из “философской земли”, смешанной с “философской водой”, ровно столько золота, и не больше, чем он использовал в начале эксперимента.^[29] Однако, несмотря на это, он ежедневно работал перед своей печью, плавя и очищая те металлы, которые были нужны ему для его планеты - медальоны, амулеты и магические кольца, и прежде всего при приготовлении того эффективного сплава, который называется электрум.

Из своей лаборатории наш хозяин провел нас в две другие комнаты со сводчатыми потолками, образующие своего рода музей самых необычайных диковинок: скелетов и высушенных конечностей различных животных: рыб, птиц, ящериц, лягушек, змей и т. Д.; трав и камней разного цвета; целых и сломанных мечей; гвоздей, извлеченных из гробов и виселиц; колб, содержащих не знаю что, — все это расставлено группами под знаками различных планет. Мы увидели перед собой удивительный и богатый аппарат практической магии, устроенный в соответствии с правилами, о которых мы были в полном неведении, — правилами, которые мы тщетно искали во всех трактатах нового времени об оккультных науках средневековья, правилами, которые, возможно, содержали простые принципы, лежащие в основе их путаницы.

Близился вечер. Солнце опускалось за западные холмы. Начинало темнеть под сводами, где великий маг заключил себя в тюрьму среди мертвых и иссохших реликвий — фрагментов, отколовшихся от великого и живого внешнего мира. Мы вернулись в его обсерваторию. Он открыл окно и мечтательно посмотрел на звезды, которые одна за другой зажигались на небе. Сумерки - благоприятное время для беседы того рода, к которой мы готовились. Вскоре мы расположились в удобных, просторных креслах и принялись серьезно беседовать — мы, человек пятнадцатого века, и нерожденные души девятнадцатого, которых он призвал, чтобы заглянуть в будущее, и которые теперь использовали его, чтобы заглянуть в прошлое. Он рассказал нам о своей науке....

“Мое знание - это не о мне самом. Далеко-далеко за этими холмами, за снежными вершинами Альп, за горами ‘гарамантов, живущих дальше всех’, на безымянных высотах, исчезающих среди облаков, давным-давно был построен храм истины над источником, из которого течет жизнь. Мы хорошо знаем, что этот храм разрушен; только первая человеческая пара бродила по его священным залам. Но тот, кто желает, кто жаждет и обладает терпением, может сесть на берегу потока Времени, схватить и вытащить на берег несколько кедровых бревен из разрушенного храма, дрейфующих по волнам, и по форме фрагментов определить структуру целого. Любая мудрость уходит своими корнями в прошлое, и чем дальше мы проникаем в древность, тем богаче остатки высшей человеческой мудрости мы находим. Что такое Альберт Великий с его глубокими знаниями по сравнению с ангельской мудростью Дионисия Ареопажита, и что такое последний по сравнению с мудростью пророка, который осудил его бедствия в Ниневии и Вавилоне? И все же эти уполномоченные Богом люди с радостью были бы обучены семьюдесятью старейшинами, которым было позволено вместе с Моисеем приблизиться к горе, где Бог избрал явить себя, получив там мистическое знание Каббалы. Однако на Синае тайна Бога была скрыта облаками, молниями и ужасом; самому Моисею было позволено увидеть его только "сзади" — он обрел не утреннее знание (знание *априорное*, как назвал бы это ищущий аналогии ученик Шеллинга), а вечернее знание (знание *апостериорное*, добавил бы он). Утреннее знание было показано только человеку на заре времен и исчезло при первом грехе. С тех пор каждое последующее поколение ухудшалось по сравнению со своим предшественником:

*“Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosorem,”*

и вместе с тьмой греха разум погружается во все более черные глубины. Индивидуальный искатель истины может обрести просветление, но только для себя, а не для человечества.

Поэтому маг хранит приобретенную мудрость у себя за пазухой, или передает ее единственному ученику, или прячет ее под неясными выражениями, которые он записывает на пергаменте; но он не может и не будет передавать ее без утайки человечеству, чей путь, кажется, ведет вниз, в постоянно сгущающуюся ночь.

“Даже теологи говорят о первоизданной мудрости, — теологи, с которыми мы, практикующие оккультную науку, согласны гораздо больше, чем думают простодушные и подозрительные среди них. То, что оставалось от первоизданной мудрости во времена Ноя, было сохранено вместе с ним в ковчеге. Его первенец получил в качестве своей доли величайшую мудрость. Пророчество, Каббала и Евангелие принадлежат сынам Сима, евреям. Но даже Хам и Иафет не остались обездоленными. Именно жрец сынов Хама охранял секреты Исиды, — секреты, перед которыми даже мы, христиане, должны падать ниц; ибо Ветхий Завет без колебаний превозносит мудрость египтян и признает Моисея учеником их школы. Гермес Трисмегист был египтянином, и мы, маги, знающие, что он превращал все, что выбирал, в золото и драгоценные камни, не удивляемся, когда апостол Павел говорит о сокровищах Египта, или тому, что путешественники рассказывают о его пирамидах и других гигантских сооружениях, или когда Плиний оценивает количество его городов в двадцать тысяч, или когда Марцеллин поражен огромными сокровищами, которые Камбиз увез оттуда, ибо все это было творением искусства Гермеса Трисмегиста.^[30] Даже доля детей Иафета не была незначительной. Она была разделена между сокровищницей Зороастра и сокровищницей Элевсинских мистерий. Некоторые монеты из этого клада попали в руки Платона и Аристотеля, а от них перешли во владение Порфирия, Ямвлиха, а также теософов и схоластов. Именно это рассеянное освещение — освещение Библии (ее внутреннего, тайного смысла), Каббалы и фрагментов египетской, персидской и греческой мудрости — собрано и объединено в магии обучения. Это родоначальники моей науки. Разве у нее нет родословной более благородной, чем у любой королевской семьи?

“Я слышал, вы упоминали что-то о необходимости научного исследования без предпосылок. Неужели вы тогда действительно осмелились бы судить обо всем, что думали, во что верили прошлые поколения и что было передано как священное наследие тем, кто последует? Разве вы не содрогаетесь перед мыслью, что человеческая жажда истины, должно быть, удовлетворялась от Адама до наших дней ничем иным, как иллюзиями? что вы дети и дети детей простых идиотов, которые основали свои надежды, свою веру и свои убеждения на безосновательной лжи? Испытай свой безбожный план расследования! Сделай это открыто, и теологи сожгут тебя! Делайте это тайно, и вы, наконец, возжелаете костра как освободителя от ужасной пустоты, которую такая наука оставила бы в вашей собственной душе! Нет, маг верит так же истово, как и богослов. Только в мягких сумерках веры он может предпринять те операции, успех которых является подтверждением истинности его веры. Или вам требуется более веское подтверждение подлинности его догматов, чем то, которое я нахожу, когда читаю в этих звездах, которые безмолвно блуждают за моим окном, судьбы людей и вижу, как эти судьбы свершаются; когда с помощью магических средств я призываю ангелов, демонов и души умерших и нерожденных людей открыться моим глазам, и они появляются?

Я признаю, что наша наука, если смотреть на нее только поверхностно, напоминает пестрый ковер с искусно переплетенными нитями; но поскольку для получения самой замечательной текстуры требуется лишь ограниченное количество манипуляций, то и все доктрины и продукты магии основаны на нескольких простых мыслях.

“Вы осознаете, что вселенная представляет собой тройственную гармонию, поскольку Божество - это Троица. Мы живем в элементарном мире; над нашей головой вращается небесное пространство с его различными сферами; и над этим, наконец, Бог восседает на троне в чисто духовном мире идей. Несчастные ученые вашего века в своих узких предубеждениях отделили эти миры друг от друга (но, сведя воедино небесный и элементарный). Ваши так называемые исследователи природы исследуют только элементарный мир, а ваши так называемые философы - только идеальный; но первые, при всем их погружении в различные формы материи, никогда не достигают области духовного, а скорее склоняются к отрицанию его существования; а вторые никогда не смогут из смутного мира идей вызвать конкретное богатство природы. Напрасно ваши исследователи природы воображают, что в физиологии или ваши философы, что в антропологии они найдут переход из одного мира в другой. Мы, маги, напротив, изучаем эти миры как единое целое. Мы обнаруживаем, что они объединены двумя могущественными узами: соответствием и причинностью. Все вещи в элементарном мире имеют свой прообраз в небесном, и все небесные вещи имеют соответствующие идеи. Эти соответствия натянуты сверху вниз, как струны на арфе вселенной, и на этой арфе причинно-следственные связи движутся вверх и вниз, подобно пальцам музыканта. В то время как ваши изучающие природу ищут цепочки причинности только в одном направлении, горизонтальном, то, что проходит через вещи на одном уровне, то, что соединяет вещи в одном и том же элементарном мире; мы, изучающие магию, с еще большим усердием ищем те перпендикулярные цепочки причинности, которые проходят через соответствующие объекты в трех мирах и объединяют их. Наш метод исследования этого перпендикулярного ряда напоминает ваш метод исследования горизонтали, но лишь незначительно, если вообще. Какие ненужные хлопоты доставляет вам ваша индукция! Например, вы хотите исследовать природу какого-либо проявления силы; вы с большой тщательностью анализируете его на различные факторы, вы стремитесь изолировать каждый из этих факторов и заставить их действовать каждый по-своему, выяснить, какой вклад каждый внес в общее проявление силы. Мы не сталкиваемся с подобными препятствиями. Тайная традиция представила нам наши перпендикулярные линии причинности почти целиком, и мы можем заполнить пробелы этой традиции исследованием, которому не препятствуют никакие большие трудности. Это исследование опирается на сходство вещей, поскольку это сходство проистекает из соответствия, а причинно-следственная связь переплетается с соответствием. Так, например, по сходству между великолепием золота и блеском солнца мы судим, что золото имеет свое небесное соответствие в этом светиле и поддерживает с ним причинно-следственную связь. Другой пример: двурогий жук имеет причинно-следственную связь с луной, которая при своем увеличении и убывании также двурога; и если и были какие-либо сомнения в этой тесной связи между ними, то они должны исчезнуть, когда мы узнаем, что жук прячет свои яйца в землю на двадцать восемь дней, или ровно столько времени, сколько требуется луне для прохождения через Зодиак, но снова выкапывает их двадцать девятого числа, когда луна находится в соединении с Солнцем.^[31] Не улыбайтесь этому методу. о расследовании! Остерегайтесь повторения ошибки, которую “здравый смысл” так склонен совершать, видя абсурдность в истинах, которые оказываются за пределами его горизонта? Наш метод основан на идее, что в природе нет ничего случайного. Безусловно, мы принимаем божественный арбитраж, но ни в коем случае не естественную случайность. Даже малейшее сходство между существующими объектами не является бессмысленной случайностью! Ни малейший штрих в цифрах, с помощью которых мы фиксируем наши слова и мысли в письменной форме, не лишен глубокого значения. Каждая вещь в творчестве природы и человека имеет свою причину и свое

следствие. Мы не можем ни сделать жест, ни сказать ни слова, не передав вибрации всей вселенной, восходящие и нисходящие, — вибрации, которые могут быть сильными или слабыми, ощутимыми или незаметными. Этот принцип проходит через всю нашу космическую систему, и эта мысль должна быть верна даже для вас, анализаторов.

Прежде чем более подробно объяснить магическое использование нашей серии соответствий и причинно-следственных связей, я хочу показать вам пару из них. Я выберу самое простое, но в то же время самое важное. Я начну с

Масштаб Священной тетрады. (Таблица I.)

Из которого найдены Соответствия Четырем Элементом.

The World of Архетипов и Блаженства.	π π				Имя Бога (Иегова) из четырех букв. Четыре тройственнос ти небесной иерархии.
	Серафимы, Херувимы, Престолы.	Доминионы, Державы, Империи.	Начальства, Архангелы, Ангелы.	Святые, Мученики, Исповедники.	
	Михаил.	Рафаил.	Габриэль.	Uriel.	Четыре ангела, хранители четырех карт. Очки.
	Серафим.	Херувим.	Тарсис.	Ариэль.	Ангелы, управляющие стихиями.
The Небесный Мир.	Овен, Лев, Стрелец.	Близнецы, Весы, Водолей.	Рак, Скорпион, Рыбы.	Телец, Дева, Капра.	Четыре тройственнос ти Зодиака.
	Марс, Солнце.	Юпитер, Венера.	Сатурн, Меркурий.	Неподвижные звезды, Луна.	Звезды и планеты, связанные со стихиями.
	Свет.	Прозрачность	Активность.	Твердость.	Четыре качества небесных элементов.
The Элементарны й мир.	Огонь.	Воздух.	Вода.	Земля.	Четыре стихии.
	Тепло.	Влажность.	Холод.	Засушливость	Четыре качества стихий.

	Лето.	Весна.	Зима.	Осень.	Времена года.
	Восток.	Запад.	Север.	Юг.	Четверка.
					Очки.
	Животные.	Травы.	Металлы.	Камни.	Четыре вида смешанных тел.
	Ходьба.	Полет.	Плавание.	Ползание.	Четыре вида животных.
	Зародыш.	Цветок.	Листья.	Корень.	Части растений, относящиеся к элементам.
	Золото, железо.	Медь, олово.	Ртуть.	Свинец, серебро.	Металлы, соответствующие элементам.
	Сияющий и горящий.	Легкий и прозрачный.	Прозрачный и твердый.	Тяжелые и непрозрачные.	Камни, соответствующие стихиям.
Микрокосмос.	Вера.	Наука.	Мнение.	Откройте для себя вики.	Четыре принципа суждения.
	Холерик.	Сангвиник.	Флегматик.	Меланхолик.	Темпераменты.
Ад.	Самаэль.	Азазаэль.	Азаэль.	Мехазаэль.	Князья злых духов, бушующих в стихиях.
	Oriens.	Пеймон.	Эгин.	Амаймон.	Демоны, управляющие четырьмя картами.
					Очки.

“Здесь ты видишь одну из сетей, которые магия протянула из Эмпиреев вниз, в бездну. Для каждого из священных чисел существует отдельная шкала того же типа: ‘Вселенная, - говорит Пифагор, - основана на числах”, а Бозций утверждает, что ‘Каждая вещь, созданная в начале времен, была сформирована в соответствии с отношениями определенных чисел, которые лежали как прообразы в уме Создателя’. Следовательно, для нас является установленным фактом, что числа содержат в себе более значительные и действенные силы, чем материальные вещи; ибо первые не являются смесью субстанций, но могут, как чисто формальные сущности, находиться в непосредственной связи с идеями божественного разума. Это признают также

отцы церкви: Иероним, Августин, Амвросий, Афанасий, Беда и другие, и это лежит в основе этих слов в книге Откровение: 'Имеющий разум пусть сосчитает число зверя'. Те разнообразные и относительно диссонирующие объекты, которые образуют единство в одном и том же мире, расположены рядом на шкале; тогда как те вещи, которые в разных группах или разных мирах соответствуют друг другу, образуют восходящий и нисходящий ряды.

“Не забывайте, что переписка также подразумевает взаимную активность! Так, например, буква л в святом имени Бога указывает на силу, которая вливается в последовательные чины Серафимов, Херувимов и Престолов и которая передается через них созвездиям Льва и Стрельца, а также двум блуждающим светилам Марсу и Солнцу. Все эти ангелы и звезды изливают в элементарный мир изобилие своей силы, которая производит там огонь и теплоту, а также зародыши животных организмов и зажигает в человеке разум и веру, чтобы, наконец, встретиться в низшей области со своими противоположностями: холодом, разрушением, иррациональностью, неверием, представленными именами падших князей-ангелов. Теперь я покажу вам другую таблицу, которая является введением в изучение астрологии и более подробно рассматривает некоторые части предыдущей, показывая, как вещи в элементарном мире и микрокосме зависят от планет. Показывая это вам, я напомним вам стих:

‘Astra regunt hominem; sed regit astra Deus.’

(Звезды направляют человека; но Бог направляет звезды.)

(Таблица II.)

	ЛУНА.	МЕРКУРИ Й.	ВЕНЕРА.	СОЛНЦЕ.	МАРС.	ЮПИТЕР.	САТУРН.
Стихии.	Земля, Вода.	Вода.	Воздух, Вода.	Огонь.	Огонь.	Воздух.	Земля, Вода.
Микрокос мос	Белые соки.	Смешанн ые соки.	Слизисты е соки.	Кровь и жизненна я сила.	Кислые соки.	Раститель ные соки.	Желчь.
Животные .	Общитель ный и переменч ивый.	Хитрый и быстрый.	Красивый , с сильным сексуальн ым инстинкто м.	Смелый и отважный .	Хищный зверь.	Проницат ельный и нежный.	Ползучий и ведет ночной образ жизни.
Растения.	Селенотр оп, пальма, иссоп, розмарин и др.	Маленьки е короткие листья и многоцве тные цветы.	Специи и фруктовы е деревья.	Сосна, Лавр, Виноград ная лоза, Гелиотро п, Лотос и т.д.	Жгучие, ядовитые и жалящие.	Дуб, бук, Тополь, Злаки, и т.д.	Кипарис и те, которые имеют мрачный вид или неприятн

Металлы.	Серебро.	Ртуть, олово, висмут.	Серебро.	Золото.	Железо и сернисты е металлы.	Золото, серебро, олово.	ый запах. Свинец.
Камни.	Сплошь белые камни и жемчуг.	Много цветных.	Сердолик , Лазурь и т.д.	Топаз, Рубин, Карбункул и т.д.	Алмаз, Яшма, Аметист, Магнит.	Зеленый и воздушно го цвета.	Оникс и все коричнев ые глины.

Ценность этих, как и многих других таблиц, станет вам ясна, когда я сейчас озвучу первый практический принцип магии:

“Как Создатель вселенной распространяет на нас через ангелов, звезды, элементы, животных, растения, металлы и камни силы своего всемогущества, так и маг, собирая в элементарном мире те объекты, которые имеют отношение взаимной активности к одной и той же сущности (ангелу или планете) в высших мирах, и объединяя их силы в соответствии с научными правилами, и усиливая их посредством священных и религиозных церемоний, способен влиять на это высшее существо и привлекать к себе его силы.

“Этот принцип в достаточной степени объясняет, почему я собрал вокруг себя все те странные вещи, которые вы здесь видите. Вот, например, свинцовая пластинка, на которой выгравирован символ планеты, а рядом с ней свинцовая колба с желчью. Если я теперь возьму кусочек прекрасного оникса, отмеченный тем же символом планеты, и эту сухую ветку кипариса, и добавлю к ним кожу змеи и перо совы, вам достаточно будет заглянуть в одну из данных вам таблиц, чтобы обнаружить, что я собрал только различные предметы элементарного мира, которые имеют отношение к взаимной активности Сатурна; и, при правильном сочетании, могут привлечь как силы этой планеты, так и ангелов, с которыми она связана.

“Величайший эффект магии — одновременно ее триумф и критерий ее истинности — это успешное заклинание. Должны ли мы его произнести? Если мы пройдем все необходимые приготовления, то увидим всю тайную науку с высоты птичьего полета. Только некоторые алхимики преследуют еще более высокую цель; они стремятся создать в реторте самого человека, нет, весь мир. Вы, люди девятнадцатого века, знаете только понаслышке о наших попытках создать *гомункула* и *вечный двигатель природы*. Вы могли бы только сосчитать капли пота, которые эти усилия выжали из нас! В алхимии есть что-то чарующее, что-то всепоглощающее. Она огромна по своим целям, и в ее глубинах обитает мысль, которая ужасна, потому что она угрожает сокрушить ту самую космическую философию, на которой основана наша вера. Мы занимаемся элементами до тех пор, пока нас не посещает идея, что каждая вещь зависит от них; что каждая вещь, Творец и сотворенное, включено в них; что каждая вещь возникает по необходимости и по необходимости исчезает. Если вы сможете только собрать в тигле те элементы и зародыши жизни, которые перемешивались в хаосе, тогда вы также сможете произвести в тигле шесть дней творения и найти дух, который сформировал вселенную. Я оставил алхимию только для того, чтобы избежать этой мысли; но пергаментное завещание, запечатанное семью печатями и спрятанное в самом потаенном уголке моих

хранилищ, содержит замечательный опыт, который я получил, экспериментируя с *вечным двигателем и гомункулусом*.[\[32\]](#)

Но вернемся к приготовлениям к нашему заклинанию! Сначала мы сталкиваемся с вопросом: благоприятен ли час? Противостоят ли аспекты? Аспект - это относительное положение двух планет друг к другу. Каждый календарь столетий, лежащих между вами и мной, говорит об этих аспектах: о соединении планет (когда они находятся на одном меридиане и, следовательно, не разделены никаким угловым расстоянием); об их противостоянии (когда они находятся в прямо противоположной части небес); об их квадратуре (расстояние 90 °), тригоне (120 °) и шестиугольнике (60 °). Если кроваво-красный Марс или бледный Сатурн находятся в квадратуре или в оппозиции друг к другу или к любой другой блуждающей звезде, это предвещает разрушение. Но сегодня обе эти планеты безвредны; аспекты хорошие, а сам Марс, находящийся на первом "лице" своего собственного дома,[\[33\]](#), следовательно, даже благожелательно настроен. Даже Луна, помощь которой необходима, находится в доме дружественной звезды и в благоприятной квадратуре по отношению к Юпитеру. Следовательно, здесь мы не встречаем никаких препятствий. Однако выяснение того, какие планеты управляют текущим годом, остается на стороне астрологии. Другими словами, какие планеты формируют первый аспект года. Посмотрите здесь, в моем календаре. Марс был одним из них. Это устраивает нас тем более, что сегодня вторник, собственный день Марса, и поскольку скоро наступит час, которым в этот день он безраздельно распоряжается.[\[34\]](#) Поэтому важно, чтобы мы использовали в нашем заклинании боевую часть моего магического аппарата. Среди элементов огонь является боевым. Поэтому мы разожжем огонь на этом алтаре. Среди планет колючие, ядовитые и похожие на крапиву являются воинственными. Поэтому мы подкормим этот огонь сухими ветками и розовыми кустами. Среди животных свирепые и смелые связаны с кроваво-красной звездой. Здесь вы видите три пояса из львиной шкуры, окаймленные зубами тигров, леопардов и медведей, и снабженные железными застегками, потому что железо - это боевой металл. Давайте застегнем эти пояса, когда придет время, вокруг наших талий. Среди камней алмаз, аметист, яшма и магнит воинственны. Я показываю вам здесь три диадемы, которые, хотя и сделаны из чистого железа, сверкают этими камнями и украшены знаками нашей планеты. Здесь у вас есть три железных посоха, помеченных одинаковыми знаками: мы должны держать их в руках. Эти нагрудные пластины, усыпанные аметистами, чьи надписи и иероглифы на иврите относятся к тем же звездам, мы должны носить на наших сердцах поверх белой одежды, которую мы наденем перед началом нашего заклинания. Здесь вы снова заметите три кольца с бриллиантами: мы будем носить их на среднем пальце в тот торжественный и ужасный момент, к которому готовимся. Эти два колокольчика мы ставим на стол; один из красноватого сплава, снабженный железными кольцами, призывает сюда боевого духа, другой, сделанный из *electrum magicum* (т.е. пропорционального сплава всех металлов с добавлением некоторой астральной настойки), служит для вызова небесных резервных сил всех видов, если это необходимо. Далее, нам нужны эти нагрудные пластины и эти кольца из электрума, на которых нет названия какой-либо планеты, но есть славное и благословенное имя самого Бога, как защита для заклинателей от вызванного духа. Кто он, мы скоро узнаем. Обратите внимание на этот ужасный арсенал, который также необходим для нашей цели. Марс - звезда войны, убийства и страсти. Демоны Марса обладают соответствующей природой, и между ними и инструментами, с помощью которых выполняется их работа на земле, существует сила притяжения. Поэтому у нас здесь есть этот тяжелый меч, которым должен быть очерчен

магический круг; поэтому мы размещаем рядами эти черепа и кости, собранные в местах казни, эти гвозди, извлеченные из виселиц, эти кинжалы, ножи и топоры, покрытые ржавыми пятнами крови. Мы не должны забывать о благовониях, которые были зажжены на алтаре незадолго до первого упоминания. Для каждой планеты и ее демонов существуют разные виды благовоний. То, что подходит для Марса, состоит из молочая, бделлия, нашатырного спирта, магнита, серы, мозгов ворона, человеческой крови и крови *черной* кошки.^[35] Очень важно, чтобы качество этих благовоний было подлинным. Я мог бы процитировать то, что говорит Порфирий по этому поводу; но ограничусь указанием на то, что это оказывает влияние на заклинателя так же, как и на окружающие предметы. Он насыщает и воздух, и грудь заклинателя веществами, которые связаны с планетой и ее демонами. Это притягивает вызванное существо и как бы опьяняет его божественными влияниями, которые действуют на его разум и воображение. Кроме того, как само собой разумеющееся, мы должны подготовить такие инструменты, которые необходимы для каждого заклинания, не имеющего никакого отношения к какой-либо определенной планете. К ним относятся амулеты, на которых начертаны имена серафимов, херувимов и престолов, а также фразы из Библии и священных книг Зороастра. К ним относятся также магический подсвечник из электрума с семью ветвями, каждая ветвь которого несет знак планеты; и, прежде всего, пентаграммы, фигуры с тонкими точками, которые не может переступить ни один демон. Мы разместим последнюю как линию укрепления вокруг магического круга, и мы должны быть уверены, что ни одна из точек не нарушена. Внутри круга между столом, семируким подсвечником и алтарем для курения благовоний есть место для треножника с чашей для святой воды и разбрызгивателя.

Сделав таким образом необходимые приготовления к нашему пиршеству, давайте подумаем о госте, который будет приглашен.

“Вечерний воздух прохладный. Я закрываю окно, переносу свою рабочую лампу на этот стол и прошу вас сесть вокруг нее. Мы должны проконсультироваться относительно приглашения, в котором мы должны следовать указаниям, данным в этой каббалистической рукописи.

“Из таблицы, которую я вам впервые показал, вы поняли, что именно чины Серафимов, Херувимов и Престолов связаны взаимной активностью с Марсом. Но эти три категории составляют высшую небесную иерархию, которая постоянно пребывает в присутствии Бога и не должна быть вызвана сюда, даже если бы мы могли это сделать. Мы можем только молить их о помощи. Порядки Доминионов, Держав и Империй - единственные разумные существа, связанные со звездами. Среди них мы должны обратиться к духам Марса, поскольку Марс является регентом этого года, этого дня и предполагаемого заклинания. Выбор между *добрыми* и *злыми* духами, управляемыми Марсом, все еще открыт; но поскольку наша цель состоит не в том, чтобы призывать их мольбами, а в том, чтобы принуждать заклинаниями, мы должны выбрать злых. Это не грех: это всего лишь опасность. Добрым ангелам доставляет радость видеть силу образа Божьего над их противниками. Но мы не можем заставить все воинство демонов Марса появиться в нашем кругу. Мы должны выбрать *только одного* из их легиона, и этот должен быть хорошо выбран. Поэтому необходимо знать его имя, ибо у духов, гораздо больше, чем у людей и земных вещей, имя подразумевает сущность и качества названного. Каббала учит нас бесконечному значению слов и имен. Оно провозглашает и демонстрирует тайны, которые заключены во всех святых именах Бога; оно открывает нам тайны в именах ангелов; оно показывает нам, что даже имена людей тесно связаны с местом в творении и временной судьбой тех, кто их носит. Даже названия материальных вещей демонстрируют, хотя

и менее отчетливо, связь между звучанием и самой вещью или ее природой. Кто слышит, например, слова *ветра*, или *качели*, не воспринимая в самом звуке что-то воздушное или качающийся? Кто может слышать *стойко* и *сильно*, не воспринимая чего-то стабильного и незыблемого?

Давайте поспешим узнать имя демона, которого нужно призвать. Астрология, так же как и каббала, предлагает различные методы для этой цели.[\[36\]](#) Давайте выберем самый простой, который, возможно, также является наиболее эффективным.

“Я должен начать нашу работу с указания на значение числа 72. Этому числу соответствуют семьдесят два языка, семьдесят два старейшины синагоги, семьдесят два толкователя Ветхого Завета и семьдесят два ученика нашего Господа. Это число также тесно связано со священным числом двенадцать. Если двенадцать знаков Зодиака разделить на шесть частей, мы получим семьдесят два так называемых небесных квинария, в которые семьдесят два мистических имени Бога, его “схемхамфоры”, вливают свою силу и каждым из которых руководит князь-ангел. Это же число также соответствует суставам человеческого тела; и есть много других соответствий.

“Что ж, пока каббалисты искали священный внутренний смысл Библии; пока они продвигались медленно, начиная с “В начале” и останавливаясь на каждом слове, каждой букве, и находили в каждом слове и каждой букве кладезь тайн,[\[37\]](#) наконец, по прошествии веков они дошли до 19-го стиха 14-й главы книги Исход, начинающегося словами: ‘И восстал ангел Божий, который шел перед станом Израилевым’. Каббалистическое правило, гласящее, что везде, где в Библии говорится об ангеле, среди еврейских букв стиха также есть имя ангела, призывало их остановиться и поразмыслить. Поначалу они понятия не имели о том экстраординарном открытии, которое им предстояло сделать. Но их внимание привлек тот факт, что в этом стихе (в еврейском тексте) было семьдесят две буквы. Еще больше они были удивлены, когда обнаружили, что даже следующий стих, 20-й, содержал ровно семьдесят две буквы; а затем удивление переросло в благоговейный трепет, когда даже в 21-м стихе было указано то же самое число. В Библии нет случайности: здесь была сокрыта великая тайна. Наконец, поместив три стиха буква за буквой (средний стих написан слева направо, остальные наоборот) друг над другом, было обнаружено семьдесят два мистических имени Бога “схимамфора”, каждое из которых состоит из трех букв, из трех стихов. Эти имена, снабженные суффиксом *el* или *jah*, также являются именами семидесяти двух пяти ангелов, о которых Бог сказал, что в них есть его имя.

“Здесь, в этой каббалистической рукописи, сохранены эти имена. Давайте выберем одно из них наугад. Мой взгляд случайно падает на *Мицраэля* первым. Мы примем это. Это высокое имя ангела, которое мы не можем призывать, даст нам ключ к имени демона, который должен появиться в настоящее время. Вот таблица, которая нам поможет. Три корневых согласных слова *Мизра(эль)* соответствуют трем другим на планете Марс, которые содержат это имя - давайте произнесем его про себя, давайте просто прошепчем его, ибо это имя желанного демона — *Текфаэль*![\[38\]](#)

“Сумма числовых значений букв в этом имени равна 488. Замечательное число, каждая цифра напоминает нам о мистической *четверке*, об элементах и их соответствиях! Мы будем общаться с одним из самых могущественных и ужасных демонов. На восковой табличке в железной рамке я теперь наношу имя демона, добавляя число 488 и эти своеобразные штрихи, составляющие

его подпись. Время не позволяет мне рассказать вам сейчас о правилах, по которым подпись формируется из имени.[39]

“Приготовление теперь завершено, осталось только заказать аппаратуру и подготовиться самим. Когда мы привели в порядок наши принадлежности, освятили комнату, вымылись в ванне, надели белые одежды, обернули вокруг себя красную мантию (ибо красный - цвет Марса), застегнули пояса Марса на талии, надели диадемы, нагрудные пластины и кольца, я зажигаю на алтаре свой магический свет и огонь для благовоний и рисую магический круг. Затем интенсивная молитва о защите Бога, затем заклинание.

“Вот книга заклинаний, так называемый Заклинатель ада. Я открываю страницу, на которой начинаются боевые заклинания. Книга помещается внутри круга. Когда нужно, я беру ее левой рукой; правой я держу посох.”...

Готическая комната, в которой должно было происходить заклинание, представляла собой странный и в то же время торжественный и ужасный вид. Фокусник опытной рукой устроил все, о чем говорилось выше. Черепа, кости людей и зверей, смертоносное оружие и сосуды с боевой эссенцией, разнообразные и неопишуемые фрагменты из всех царств природы образовывали, ближе всего к стенам, различные фигуры, треугольники, квадраты и пятиугольники. Голые стены были завешены красной драпировкой. Посреди комнаты, внутри круглой пентаграммы, находились огонь и жертвенник для благовоний со святой водой. На столе в глубине, но частично внутри круга, горели магические светильники, отбрасывая на предметы неопределенный беловато-желтый свет. Рядом с подсвечником стояли два колокольчика. Мы облачились в свои одежды. Лицо моего спутника было бледно как смерть; вероятно, и мое тоже.

“Мужество, стойкость! ... или ты погиб! - прошептал волшебник, глаза которого сияли мрачной, торжественной решимостью, а каждое выражение лица выражало в этот момент ужасную решимость.

Это были его последние слова перед произнесением заклинания. Нам разрешили ничего не отвечать. Я старался быть мужественным, но моя душа была потрясена ужасным ожиданием. Молитва и религиозные церемонии, которые мы совершили после ванны и смены одежды, не уменьшили, а только усилили это чувство.

Ночной ветер сотрясал окна, скрытые тяжелыми портьерами. Казалось, за мягко колышущимися занавесками притаились призраки из другого мира.

Мне показалось, что даже черепа, судя по их запавшим, пустым глазам, предвещали приближение чего-то ужасного. Один из них надолго привлек мое внимание или, вернее, оказал на меня то же влияние, какое, как говорят, оказывает глаз гремучей змеи на птицу, к которой она приближается, чтобы сожрать. Я заметил в глазу металлический блеск. Это был отблеск света, отраженного от боевого камня, закрепленного в черепе.

Тем временем маг схватил окровавленный меч и начертил, бормоча молитву, тройной магический круг вокруг пентаграммы. Между окружностями он написал имена ангелов года, времени года, дня и часа. На востоке он сотворил знак *Альфы*, на западе - знак *Омеги*. Затем он разделил круг крестом на четыре поля. Два из них, те, что позади него, он выделил мне и моим спутникам. Они были достаточно большими, чтобы на них можно было встать на колени. Нам было строго-настрого приказано не покидать их, не позволять даже складкам наших мантий

развеваться за пределами круга. Забывчивость в этом отношении стоила бы нам жизни. Маг отложил свой меч в виде треугольника за пределами круга. Он окропил себя и нас святой водой, прочитал формулы над благовониями и колючими веточками и зажег их. Это был знак для нас посвятить себя молитве. Мы не должны прекращать молитву, пока не услышим первое слово заклинания. Благовония как бы рассеивали тусклую прозрачную завесу по комнате. То тут, то там он сгущался в странные фигуры: то человеческие, то фантастические формы животных возникали на фоне сводчатой стены и снова исчезали.

Должно быть, в этих дымчатых облаках было что-то наркотическое. Я смотрел на них в полудреме, в то время как мои губы беззвучно повторяли предписанные молитвы.

Я был выведен из этого состояния первым словом заклинания, которое поразило мою душу подобно удару грома и пробудило меня к полному осознанию моего положения и значения этого часа. Кровь в моих венах, казалось, превратилась в лед.

Волшебник стоял передо мной, высокий, прямой и властный. Он взял книгу заклинаний и теперь глухим голосом читал из нее первую цитату, которая начиналась с длинной формулы, призывающей различные мистические имена Бога.

Я не могу повторить цитату. Высшее и низшее, божественное и инфернальное, то, к святости чего мы испытываем неудержимое благоговение и то, за нечестие чего мы испытываем глубочайший ужас, были объединены здесь в самых торжественных и самых ужасных словах, которые когда-либо произносил человеческий язык. Теперь у меня впервые начало формироваться представление о силе слов.

Имя демона еще не было произнесено. Чем ближе подходил момент для его произнесения, тем глубже становился голос мага. Теперь прозвучала формула призыва, и теперь — прозвучало имя *Текфаэль*.

Казалось, что тысячекратное, но шепчущее эхо из склепа наверху, из углов комнаты, из всех черепов и из самой книги заклинаний повторяет это имя.

Маг замолчал, благовония сгустились и приобрели красноватый оттенок, который постепенно становился все более и более рассеянным. Нам показалось, что мы слышим раскаты грома, сначала издалека, затем ближе, наконец, над нашими головами. Это было так, как будто башню потрянуло и свод над нашими головами раскололся. У меня задрожали колени. Внезапно красную массу пронзила вспышка молнии. Маг вытянул свой посох, как будто хотел остановить это. Он снова повысил свой голос, сильный и властный среди продолжающихся раскатов грома. Дым снова поредел; из его завитков перед магом в непосредственной близости от круга и на противоположном конце его посоха появилось смутное видение, фигура, первый вид которой лишил меня рассудка. Мне показалось, что я упал на пол, как будто я потерялся....

Я проснулся с испариной на лбу, но, к счастью, в своей постели и в девятнадцатом веке. Вид из моего окна веселый и оживляющий. Я вижу реку, по которой плывут гордые корабли, набережные, кишачие людьми, и широкие улицы с домами в изящном и легком стиле *ренессанса*. Я снова жил настоящим, которое радовало меня больше всего, наряду с мечтами о будущем ....

Однако они стремились к чему-то великому, эти ученые маги Средневековья. Их творение было наделено могучим воображением. Он лежит в руинах, чтобы никогда больше не возникнуть; но осыпавшиеся *обломки* свидетельствуют о вере во всеобъемлющую человеческую силу и знания.

Эти ученые маги были такими же беспокойными фаустовскими натурами, столь же отличными от обычного типа ученых своего времени, как Фауст от педантичного *лоска*- гордого, неустремленного молокососа Вагнера. В то время как они отдавали дань слабости традиции и формировали свою систему на основе общепринятых изречений, именно среди них начали пробуждаться предчувствия будущего и стремление к более ясному свету, чем тот, которым были вполне довольны схоласты и врачи *ангелы и серафимы*. Когда возобновилось изучение древней Греции, когда забрезжил рассвет *возрождения*, именно эти восторженные натуры, все еще бредущие ощупью среди грез о магическом искусстве, первыми начали просыпаться и думать. Именно ощущение недостаточности господствующей теологии и схоластики загнало их в храм “тайной философии”. Поскольку ее столпы были принесены из различных сфер культуры, недоверие и страх перед магией стали более универсальными, чем непосредственно церковными; они так же глубоко впитали светскую традицию, как и христианскую, считая, что они обе вытекают из одного божественного источника: их авторы цитируют Порфирия рядом с Иоанном и самозванца Гермеса рядом с Павлом. Мужество, с которым они пытались распахнуть ворота мира духов, сослужило им службу впоследствии, когда с берегов веры своего детства им предстояло отправиться в океан мысли. Кампанелла, Ванини, Джордано Бруно и Карданус стоят на границе между догматико-фантастической магией и философией в понимании древних греков и современности. Если уже ранее некоторые маги старого типа умирали от преследований, то неудивительно, что такие “атеисты”, как Ванини и Бруно, теперь должны подняться на вершину.

Оккультные науки средневековья с их происхождением не из рая и Ноева ковчега, как верили их приверженцы, а из древней восточной культуры и с их властью даже над самыми сильными и самыми независимыми душами, которые могли возникнуть под влиянием Церкви, уравнивающей все мысли, могут должным образом напомнить тем, кто готов забыть об этом, печальную, но неоспоримую истину: что человечество может принять в течение многих и долгих веков с самой искренней верой и с огромным трудом превратить в систему догмы, которые были приняты без вопросов и которые содержат больше истинного, ложных, чем истинных, великая древность которых не дает им большего права на достоверность, чем то заблуждение, которое возникло вчера и исчезло сегодня. Никакое особое божественное влияние не спасло и не спасет поколения от наследования ошибок в меньшей степени, чем усвоенные истины их предшественников — я бы сказал, никакое другое божественное влияние, чем импульс, который мы чувствуем думать самостоятельно, чтобы достичь ясности.

IV.

МАГИЯ НАРОДА И БОРЬБА ЦЕРКВИ С НЕЙ.

Везде, где религиозная мысль разделяет мировую власть и человечество на две абсолютно противоположные силы, добрую и злую, она также различает два вида магии: божественную и infernalную. Так было и с персами, которые знали белую и черную магию. То же самое было и в средние века христианства. Греки, напротив, ничего не знали об этом различии. Мир был для них гармоничным целым, как в моральном, так и в физическом отношении, магия была для них лишь средством обнаружения и использования тайных сил гармоничного космоса; и чудотворец, о котором нельзя было подумать, что он черпает свои силы из злого источника, несомненно, был любимцем богов и равным героям, не недостойным статуй и храмов, если он использовал свое искусство на благо человечества. Что касается остального, то магические спекуляции у греков все больше и больше вытеснялись философией — скептицизмом и рациональным исследованием, пока из-за более тесного контакта между Европой и Азией, после смерти Александра, они снова не начали оказывать свое влияние и, наконец, не отпраздновали свой триумф в той дуалистической форме религии, которая под названием христианство овладела Западом.

Борьба, которую дух ориентализма вел на своем пути по Европе, сначала против эллинского язычества, а затем против христианского язычества, проникшего в саму Церковь, была кратко обрисована выше. Позже, когда христианство распространилось среди германских и славянских народов, возник новый процесс притяжения и отталкивания между ним и естественными религиями варваров, элементы которых были частично смешаны с ним и частично отталкивались им. Боги превратились в дьяволов, но их атрибуты и празднества в их честь были переданы святым. Папа Григорий Великий постановил, что языческие празднества должны быть лишь постепенно заменены христианскими и что им следует подражать во многих отношениях.^[40]

Во времена Бонифация в Германии было много христианских священников, которые приносили жертвы Тору и крестились во имя Иисуса одновременно. Особое влияние на быстрое распространение христианства оказала максима Григория не быть разборчивым в выборе прозелитов, поскольку надежда возлагалась на лучшие поколения будущего. Чтобы получить разрешение присутствовать на богослужении и быть похороненным на церковном кладбище, нужно было только получить благословение священника. Пожертвования Церкви, паломничества, самобичевание, повторение молитв на латыни открывали врата рая для прозелитов легче, чем добродетель и храбрость врат Валгаллы для язычников. В остальном язычник мог войти в церковное сообщество, сохранив при этом весь свой круг идей. Церковь не отрицала, а подтверждала реальное существование всего, что было объектом его веры, но она обращалась с этими объектами в соответствии со своей дуалистической схемой, иногда возвышая их до уровня святости, а затем снова низводя до чего-то дьявольского. Так, например, это превратило элементарных духов, в которых верили кельты и германцы, из добрых или нравственно безразличных природных существ в падших ангелов, завидующих человеку за его небесное наследие; и если раньше мыслящий язычник мог по своему усмотрению принимать или отвергать существование таких существ, то теперь, когда он стал прозелитом, вера в них стала делом вечного блаженства. Не было настолько грубого суеверия, чтобы не получить печатку Церкви; более того, чем грубее она была, тем больше было вероятности, что ее

присвоят. Даже такой образованный интеллектуал, как Августин, самый выдающийся из отцов церкви и авторов своего времени, объявил “наглостью” сомневаться в существовании фавнов, сатиров и других демонических существ, которые подстерегают женщин, вступают с ними в половую связь и заводят от них детей.^[41] Так было заложено основание того огромного лабиринта суеверий, во тьме которого человечество блуждало ощупью в течение тысячи лет средневековья.

В разрыве между Церковью и естественной религией северных народов мы находим, в определенном смысле, то же самое зрелище, которое мы наблюдали в борьбе между христианской и греко-римской культурами. Если неоплатоники считали своего Апполония Тианского прообразом христианских колдунов, то у кельтов, германцев и северян также были свои прорицатели, наделенные сверхъестественными способностями, которых христианские миссионеры должны были превзойти в способности творить чудеса, если они хотели завоевать уважение новой религии. Есть много рассказов о епископах и священниках, которые надевали огненные перчатки, ходили по раскаленному добела железу и так далее на глазах у изумленных язычников. Если чудеса, творимые апостолами христианства, имели своим источником божественные силы, то чудеса, творимые его противниками, должны были происходить при содействии дьявола. Уже здесь белая магия противостояла черной магии, непосредственной и сверхъестественной силе Бога в Его посредниках перед дьяволом: и если главное значение Церкви заключалось в том, чтобы быть институтом освобождения от дьявола; если все ее магические обычаи от причастия до амулета были таким мощным оружием против его атак; если языческие религии, уступившие христианству, были не чем иным, как различными видами одного и того же *поклонения дьяволу*, а их священники, провидцы и врачи - всего лишь орудиями сатаны; тогда было естественно для всех традиций языческих времен, которые церковь, которую не преобразовали и не присвоили, должна быть изгнана за пределы поклонения дьяволу, и частично также, чтобы каждое действие, которому приписывались сверхъестественные эффекты, но которое не было совершено христианским священником или во имя Иисуса, должно быть отнесено к черной магии, частично, чтобы возможность немедленного сотрудничества, сознательного союза между дьяволом и людьми была возведена в догму.

Борьба между добром и злом, между Богом и сатаной, между церковью и язычеством, которая ведется чудесным оружием двумя прямо противоположными человеческими представителями этих принципов, была темой, которая по необходимости должна побуждать к действию силу творческого воображения, и мы находим также в одном из древнейших памятников христианской литературы^[42] рассказ об этом персонаже. Это Симон Петр, скала, на которой построена Церковь, который сражается там против Симона самарийского волхва, упомянутого в Деяниях. Когда города Малой Азии стали свидетелями их соперничества в чудотворении, решающая битва разыгралась до конца в Риме. В присутствии собравшихся людей Симон волхв пытается вознестись на небеса, но падает и ломает ноги, потому что Симон Петр приказал злым духам, которые несли волхва к небу, позволить ему упасть. Эта басня, по-видимому, еще более приукрашена более поздними церковными авторами. Вскоре к нему присоединяются другие, такие как Киприан, Феофил, Милитарис, Илиодор и многие другие, которые из любви к земной славе отрекаются от Христа и вступают в торжественные заветы с дьяволом. В биографии святого Василия, архиепископа Кесарии и Каппадокии (он был современником императора-отступника Юлиана), есть история молодого человека, который получил от языческого колдуна рекомендательное письмо к сатане. Когда юноша, согласно завету мага, отправился на

языческую могилу и там достал письмо, его внезапно подняли и понесли к тому месту, где сатана, окруженный своими ангелами, восседал на троне. Юноша письменно отрекся от своего крещения и поклялся в верности своему новому учителю. Но через некоторое время отступник раскаялся и признался святому Василию в том, что он совершил. Епископ молился за него сорок дней. Когда, наконец, настал день, когда сатана, согласно договору, должен был увести свою жертву, епископ приказал поместить молодого человека посреди своей паствы. Прибыл сатана: последовала битва между ним и епископом - битва, которая продолжалась тем, что люди простирали руки, моля Бога о помощи, и закончилась, когда соглашение выпало из когтей дьявола и было разорвано епископом. Вышеупомянутый Феофил также заложил свою душу дьяволу, но контракт был восстановлен ему после настоятельной мольбы святой Девы, после чего, предупрежденный своим опытом, он вел святую жизнь и стал святым Феофилом еще до того, как закрыл глаза. Эти ранние легенды о договорах между дьяволом и людьми заканчиваются, как мы видим, спасением грешника; более поздние - нет. Если мы теперь вспомним, что это была одна из догм, провозглашенных Церковью, согласно которой все магические и чудесные искусства, не выполняемые священниками во имя Иисуса, были созданы дьяволом; что он дает своим приверженцам власть над природой и что демоны как *"инкубы"* и *"суккубы"* ищут и добиваются плотских сношений с людьми,^[43] мы обнаруживаем уже в идеях первых веков христианства элементы средневекового колдовства. И когда мы читаем далее обвинения, которые первые христианские секты выдвигали друг против друга, — когда мы узнаем, что партия, которая была поднята Никейским собором на ортодоксальную позицию, обвинила гностиков, маркионитов и ариан в поклонении дьяволу, союзе с сатаной и колдовстве, мы уже встречаем здесь тот союз ереси и колдовства, благодаря которому Церковь Средневековья приобрела такое страшное оружие против инакомыслящих, - союз, который не следует рассматривать как простое случайное изобретение зла и богословской ненависти, но как необходимое следствие христианской веры. вся дуалистическая теория морали как необходимый плод веры в дьяволов.

Должно было пройти много времени, прежде чем праздники, общие для естественных религий Европы, исчезли или были преобразованы в христианскую форму. Внешние практики, посредством которых религиозные идеи находят чувственное выражение, обладают обычно более прочной силой существования, чем сами идеи, и продолжают существовать, когда они исчезают, подобно раковине после смерти "наутилуса". В некоторых религиях естественного развития поклонение солнцу и Луне является наиболее важным. Среди кельтских, германских и славянских племен, как прежде среди евреев и финикийцев, этим божествам света поклонялись путем разжигания костров, жертвоприношений и пиров в горах и в рощах, особенно во время весеннего равноденствия (Пасха), в начале мая (Вальпургиева ночь) и в ночь летнего солнцестояния. Исходя из того факта, что следы этого обычая все еще существуют в наши дни, хотя его первоначальное значение утрачено, мы можем с большей уверенностью предположить, что он продолжал существовать без перерыва, сначала открыто, затем тайно, сохраняя свое значение, несмотря на усилия духовных и светских властей искоренить его, и все больше и больше принимая в сознании людей тот характер поклонения дьяволу, которым Церковь заклеила эти воспоминания с языческих времен. И когда, наконец, это прекратилось полностью или сменилось сезонами народных празднеств, которые не имели опасного подтекста даже в глазах Церкви, все же воспоминание о демонических празднествах горы и рощи, должно быть, передавалось из поколения в поколение, и тогда оставался всего лишь еще один шаг к тому, чтобы поверить, что они все еще продолжались и в них участвовали

люди, практиковавшие магические искусства, и были наделены подозрительной мудростью древних вейл и друидок — женщин-провидиц и врачевательниц язычников. Весьма вероятно, что представление о Шабаше ведьм, который отмечался в ночь перед первым мая, и о пасхальном путешествии ведьм в Блокуллу имеют такое историческое происхождение. Церковная литература первой половины Средневековья не оставляет нас без существенных намеков, по-видимому, подтверждающих это мнение. Святой Эгидий, умерший в 659 году н.э., часто выступает против *поклонения огню*, практикуемого в летние ночи, которое, как унаследованное от языческих предков, сопровождалось танцами, и против призывания солнца и луны (которых он называет “демонами Геркулесом и Дианой”), и против поклонения в рощах и у деревьев, источников и перекрестков. Апостол аллеманов, святой Фирминус, умерший в 754 году нашей эры, проповедует против тех же обычаев и особенно подчеркивает упорство, с которым старые женщины присоединяются к адским празднествам с их волшебными песнями и танцами. Современные авторы по рассматриваемому вопросу говорят *синодальном указе*, который, как говорят, восходит к собору в Анкире в 314 году нашей эры и который предписывает епископам особенно следить за безбожными женщинами, которые, обманутые бредом демонов, воображают, что они пересекают ночью в компании Дианы и Иродиады и верхом на определенных животных обширные пространства страны, и должны собираться на определенное количество ночей по приказу своей госпожи. Но хотя этот синодальный указ является поддельным и относится к гораздо более позднему периоду и другой местности (впервые он упоминается в девятом веке в сочинении аббата Регино[44]), он достаточно стар, чтобы заслуживать нашего внимания здесь. К указу прилагается ряд вопросов, которые епископы должны задавать таким женщинам на исповеди. Среди них следующие, которые непосредственно связывают путешествие ведьм с языческими традициями:-

“Следовали ли вы обычаю, унаследованному от язычников, рассматривать движение звезд, луны и затмения в новолуние? И вы представляли себе, что восклицанием “Побеждай, луна” (*винс, Луна*) вы могли бы воспроизвести ее свет? Когда вы хотели помолиться, прибегали ли вы к другим местам, помимо церкви, например, к источникам, камням, деревьям или перекресткам? Вы там разжигали костры и приносили в жертву хлеб или что-нибудь еще?”

Иоанн Солсберийский, умерший в 1182 году н.э., пишет о женщинах, которые под предводительством “ночной королевы” собираются и устраивают банкеты, на которых им больше всего нравятся дети, украденные из колыбелей. Он все еще предполагал, что на самом деле это может быть не фактом, а всего лишь демоническими иллюзиями, фантасмагорическими трюками дьявола и пустыми мечтами, тем более что подобные вещи случаются среди женщин, а не среди мужчин, обладающих более сильным разумом. Той же точки зрения на этот случай придерживается Вильгельм Овернский, епископ Парижский (умер в 1248 году н.э.). Но уже при жизни этого прелата вера в реальность праздников ведьм была санкционирована авторитетом папы Григория IX, и всякое сомнение в этом было объявлено ересью.

В то же время связь между ересью и колдовством была возрождена и подтверждена Церковью, так что все еретики должны были рассматриваться как поклявшиеся подданные дьявола и посвященные в колдовство, даже хотя не все колдуны и ведьмы обязательно были еретиками. Церкви в то время угрожали несколько недавно возникших сект, и она прибегала ко всем средствам, чтобы сохранить свою иерархию и конфессиональное единство. В 1223 году Григорий IX. обнародовал письмо, в котором призывал к крестовому походу против стедингов,

секты, распространившейся во Фрисландии и Нижней Саксонии. Он обвинил их в поклонении князю тьмы и тайном общении с ним. Согласно папскому эдикту, Стединги считали дьявола реальным и добрым божеством, изгнанным другим и злым с небес, но вернувшимся туда в свое время, когда узурпатор из-за своей крайней тирании, жестокости и несправедливости вызвал ненависть всего человечества и окончательно убедился в собственной неспособности и бессилии. По правде говоря, если бы такое убеждение возникло, в этом не было бы ничего странного. Повсюду проявлялись сила и влияние дьявола, но нигде Божье, если не в кровавых и ужасных законах и деспотической социальной системе, которые духовные и светские власти объявляли божественными. Сама теория, с помощью которой Церковь стремилась сохранить за Богом его атрибут всемогущества — теория согласия, согласно которой дьявол пользуется такой властью только с Божьего позволения, — сама эта теория подходила для усиления замешательства и ужаса. “Никогда, - говорит Бунзен,^[45] - не было времени, когда в божественном и вселенском правительстве так сильно отчаивались, как в средние века”. Бунзен склоняется к мнению французского историка Мишле, что с тринадцатого по пятнадцатый век, после того как вальденсы и альбигойцы во Франции были истреблены римскими гонениями, а низшие классы превратились в крепостных, возникла религия отчаяния, настоящий сатанинский культ, и что Шабаш ведьм фактически был основан на ночных собраниях, на которых тысячи озверевших людей, гонимых нищетой и угнетением, собирались вместе, чтобы поклоняться дьяволу и призывать его на помощь. Но не существует абсолютно определенного исторического факта, доказывающего, что такие встречи действительно имели место. Мы считаем более вероятным, как указывалось выше, что Шабаш ведьм был как бы затянувшимися сумерками, постоянно сгущающимися и постоянно окрашиваемыми во все более чудовищные цвета, после дня приниженных праздников в религии природы, — порождением воображения, которое угнетало лоно человечества, погруженного в мир грез; и что ничего, кроме веры в его реальность, санкционированной Церковью, не было необходимо для создания описываемых нами явлений. С вальденсами и альбигойцами обращались так же, как со стедингами. “Пусть судьи знают, ” пишет инквизитор, “ что колдуны, ведьмы и пособники дьявола почти все вальденсы. Вальденсы по профессии, по сути и формально, являются работниками дьявола; и хотя не все они фокусники, все же колдовство и вальденсизм имеют много общего ”. Высшие авторитеты Церкви постоянно питали тот благоговейный страх перед дьяволом и его орудиями, который наполнял разум, и они могли делать это без зазрения совести, будучи сами охвачены тем же ужасом. Так, Иоанн XXII обнародовал в 1303 году н.э. два письма, в которых он жалуется, что его жизнь подвергалась опасности не меньше, чем бесчисленное множество его овец, из-за искусства колдунов, которые могли насыпать дьяволов в зеркала и кольца и расправляться с людьми одними только словами. Он особо упоминает, что его враги пытались убить его, протыкая иглами кукол, которых они окрестили его именем, призывая на помощь дьявола. Излишне указывать на то, какое влияние на обывателя оказали бы подобные воззвания наместника Христа, непогрешимого главы Церкви. Дуалистическая философия созревала все больше и больше, пока не разразился тот ужасный кризис, который разразился в пятнадцатом веке. Этому кризису предшествовал суд над тамплиерами и несколько крупных, но локальных процессов над ведьмами с последующими казнями, пока, наконец, 5 декабря 1484 г. не появилась булла папы Иннокентия VIII “Ad forturan rei memoriam”. Эта булла и ее спутник, “Молот ведьм” (Malleus Malificarum), сочиненный монахом и инквизитором Шпренгером, довели зло до апогея. Ад больше не был простым продуктом воображения: мы видим, как он утвердился на земле в ужасающей реальности и распространил свое господство на весь христианский мир.

Наш объем не позволяет нам воспроизвести в буквальном переводе эту буллу папы Иннокентия, написанную на варварской латыни, достойной ее предмета.^[46] Мы должны, однако, дать некоторый отчет о ее содержании. “Раб рабов Божьих” начинается с того, что свидетельствует о той заботе, которую он, как хранитель душ, должен проявлять, способствуя росту католической веры и удаляя позор ереси от верующих. “Но, - продолжает он, - не без глубокой скорби я узнал недавно, что лица обоего пола, забывая о своем собственном вечном благополучии и отступая от католической веры, общаются с дьяволами, с *инкубами* и *суккубами*, и причиняют вред ведьмовскими песнями, заклинаниями и другими постыдными действиями, разгулами и преступлениями нерожденным детям женщин, детенышам животных, урожаю с полей, гроздьям винограда и плодам деревьев; что они также уничтожают, душат и уничтожают других животных”. уничтожайте мужчин, женщин, овец и крупный рогатый скот, виноградники, фруктовые сады, луга и тому подобное; навещайте мужчин, женщин, крупный рогатый скот и других животных внутренними и внешними болями и болезнями; препятствуйте мужчинам производить потомство, а женщинам - зачатие, и делайте их совершенно непригодными к выполнению их взаимных обязанностей, и заставляйте их, кроме того, кощунственными устами отречься от той самой веры, которую они получили в крещении“.... Поэтому папа назначает своих любимых сыновей, профессоров теологии Генри Инститора и Якоба Шпренгера, главными инквизиторами с абсолютной властью над всеми округами, зараженными этими болезнями; и поскольку он знает, что есть люди, которые не стыдятся настаивать на своем извращенном утверждении, что подобные преступления являются всего лишь воображаемыми и не должны быть наказаны, он угрожает им, независимо от их положения или достоинства, самыми суровыми наказаниями, в случае, если они осмелятся каким-либо образом противодействовать инквизиторам или вмешиваться в защиту обвиняемых. Наконец, он провозглашает, что никакие апелляции инквизиторских трибуналов в другие суды, даже к самому папе, не будут разрешены. Инквизиторы и их помощники наделены неограниченной властью над жизнью и смертью, и их призывают выполнять свои поручения с усердием и строгостью.

Булла не содержит дальнейших указаний относительно того, как судьи должны действовать при разбирательстве дел ведьм. “Молоту ведьм” было разрешено установить свои собственные процессуальные нормы. Здесь важно кратко изложить содержание этой книги, поскольку она стала юридическим авторитетом, которому следовали во всех странах, даже в протестантских, вплоть до начала восемнадцатого века. Дух времени нельзя охарактеризовать лучше, чем в этой книге; яснее и ощутимее невозможно показать, к чему приведут сверхъестественные идеи космической философии и как они в конце концов разрушат разум, мораль, человеческие чувства и превратят мир в сумасшедший дом.

Книга, похвальным вступлением к которой служат булла папы Иннокентия и диплом императора Максимилиана, начинается с извинений, призванных показать, что ее автор не представляет ничего нового и непроверенного, но что его теории полностью основаны на Священном Писании. Чтобы доказать это, он цитирует отрывки из Ветхого и Нового Заветов, от отцов церкви, постановления соборов, канонические послания, из трудов Фомы Аквинского, Дамиана и других. Дьявол, говорится в “Молоте ведьм”, на самом деле не имеет власти отменять естественные законы, но Библия неопровержимо показывает, что Бог даровал ему широкую власть над естественными силами материальных вещей. Посмотрите только историю Иова и искушение Иисуса в пустыне. Кроме того, существование множества бесноватых, о которых говорится в Новом Завете, доказывает, что сатана может вселяться в человека и использовать человеческое тело в качестве своего орудия. “Но, ” говорит “Молот ведьм”, постоянно

стремящийся вывести все свои заключения якобы в соответствии с логикой, “ не должно быть никакой путаницы между бесноватыми и ведьмами. Существование первого не доказывает существования второго; это должно быть продемонстрировано другим способом. И вот доказательство: дьявол, как духовное существо, не способен к реальному телесному контакту. Поэтому он должен использовать инструмент, которому он передает свою силу; ибо любое телесное воздействие производится путем контакта. Этими инструментами являются колдуны и ведьмы. Таким образом, поскольку, с одной стороны, бесспорно, что сила дьявола велика, а с другой - что он ничего не может добиться без помощи колдунов и ведьм, необходимым выводом является то, что они должны существовать. В остальном этот вывод наиболее убедительно подтверждается Библией. Моисей предписывает, что ведьмы должны быть преданы смерти, что было бы совершенно излишним, если бы ведьм не существовало. Следовательно, тот, кто утверждает, что ведьм не существует, по праву должен считаться еретиком”.

Затем “Молот ведьм” затрагивает вопрос, почему женщины особенно склонны к колдовству, и отвечает на него следующим образом: святые отцы часто говорили, что есть три вещи, которым нет меры ни в добре, ни во зле: *язык, священник и женщина*. В отношении женщины это очевидно. На нее жаловались во все времена. Мудрый Соломон, который сам был склонен к идолопоклонству из-за женщин, часто в своих писаниях давал женскому полу печальное, но правдивое свидетельство; и святой Златоуст говорит: “Что такое женщина, как не враг дружбы, неизбежное наказание, необходимая путаница, естественное искушение, желанное бедствие, постоянно текущий источник слез, злое произведение природы, покрытое блестящим лаком?” Первая женщина уже вступила в своего рода соглашение с дьяволом; не должны ли тогда ее дочери сделать то же самое? Само слово *femina* (женщина) означает *того, кто нуждается в вере*; ибо *fe* означает “вера” и *минус* “меньше”.^[47] Поскольку она была сформирована из искривленного ребра, вся ее духовная природа была искажена и склонна больше к греху, чем к добродетели. Если мы здесь сравним слова Сенеки: “Женщина либо любит, либо ненавидит; третьего не дано”, то легко увидеть, что когда она не любит Бога, она должна прибегнуть к противоположной крайности и возненавидеть его. Таким образом, понятно, почему женщины особенно склонны к практике колдовства.^[48]

Теперь можно было бы спросить: как это возможно, что Бог допускает колдовство? “Молот ведьм” отвечает, что Бог допустил, без какого-либо ущерба для своих совершенств, падение ангелов и наших прародителей; и как раньше он санкционировал гонения на христиан, чтобы приумножилась слава мученика, так и теперь он допускает колдовство, чтобы вера праведных могла быть более явной.

Преступление ведьм превосходит все остальные. Они объединяют в одном лице еретика, отступника и убийцу. “Молот ведьм” доказывает, что они хуже самого дьявола, ибо он пал раз и навсегда, и Христос не пострадал за него. Следовательно, дьявол грешит только против Творца, а ведьма - и против Творца, и против Искупителя.

Именно этим и подобными вопросами занята первая часть “Молота ведьм”. Вторая часть, описывающая различные виды колдовства и его последствия, а также празднование Шабаша ведьм, предваряется рассказом о силе ведьм. Они вызывают град, гром и бури, когда пожелают; они летают по воздуху из одного места в другое; они могут лишиться чувств на дыбе; они часто подчиняют разум судьи чарами и *сбивают его с толку состраданием*; они лишают людей и животных способности к воспроизводству; они могут видеть отсутствующее и предсказывать

грядущие события; они могут наполнить, по своему желанию, человеческие сердца безжалостной ненавистью и страстной любовью; они уничтожают плод в утробе матери, вызывают выкидыши, превращают себя и других в кошек и оборотней; более того, они не могут быть уничтожены. они способны зачаровывать и убивать людей и зверей одним своим видом. Их самая сильная страсть - естьмясо детей; тем не менее, они едят только некрещеных детей: если они когда-нибудь берут крещеного ребенка, это происходит по особому божественному попущению.

Их соглашение с дьяволом бывает двух видов: либо торжественное, заключенное со всеми формальностями, либо просто частный контракт. Первое из них завершается следующим образом: Ведьмы собираются в день, установленный дьяволом. Он появляется на собрании, призывает их к верности и обещает им славу, счастье и долгую жизнь, и приказывает старшим ведьмам представить новичков, которых он подвергает испытанию и заставляет принести клятву верности; после чего он учит их готовить из конечностей новорожденных ведьмовские зелья и ведьмовские мази, и дарит им порошок, инструктируя их, как его использовать для нанесения вреда людям и животным.^[49] Когда затем послушница возобновляет церемонию принесения верности на следующем Шабаше Ведьм, она становится настоящей ведьмой. Дети, необходимые для ведьминых котлов и шабашных банкетов, добываются следующим образом: жертвы убиваются взглядом или вышеупомянутым порошком, когда они лежат в колыбели или в постели со своими матерями. Простые люди тогда поверят, что они умерли от какой-то естественной причины, — от болезни или удушья. Затем, когда их хоронят, ведьмы крадут их из могилы. Случалось, что судьи после подобных признаний вскрывали могилу и находили в ней ребенка; но в таких случаях судья должен учитывать, что дьявол - великий надсмотрщик, который, возможно, обманул слуг правосудия, чтобы защитить своих слуг, и в таком случае признание ведьмы (вырванное у нее пытками) должно доказать нечто большее, чем легко вводящее в заблуждение видение судьи. [Какой триумф сверхъестественной аргументации!]

Ведьма совершает свои воздушные путешествия, говорится в “Молоте ведьм”, смазывая ведьминой мазью сосуд, метлу и грабли, черенок метлы и кусок полотна; затем, поднимаясь, она движется по воздуху, видимая или невидимая, по своему выбору. “Молот ведьм” напоминает тем, кто сомневается в этих воздушных путешествиях, о Евангелии от Матфея iv. 5, где рассказывается, как дьявол поднял Иисуса по воздуху на вершину храма.

Теперь мы переходим к третьей части “Молота ведьм”, уголовному праву судов о ведьмах, в которой даются инструкции о том, как “колдуны, ведьмы и еретики должны предстать перед духовными, а также гражданскими судами”.

Что касается предварительных форм процедуры, “Молот ведьм”, во-первых, устанавливает, “Что судебный процесс может начаться без какого-либо предварительного обвинения и на основании простого сообщения о том, что где-то водятся ведьмы; ибо долг судьи в деле, чревatom многими опасностями для души, не ждать доносчика или обвинителя, но, *по должности*, немедленно начать расследование”. Когда инквизитор приезжает в город или деревню, он должен увещевать всех посредством прокламаций, прибитых к дверям церквей и ратуш, и угроз отлучения от церкви и наказания, сообщать информацию обо всех лицах, которые каким-либо образом подозреваются в малейшей связи с практикой колдовства или иным образом имеют дурную репутацию. Доносчики могут быть вознаграждены, если инквизитор сочтет это целесообразным, благословением Церкви и деньгами. В Церкви должен

быть установлен ящик для получения заявлений тех информаторов, которые желают остаться неизвестными.

Двух или трех свидетелей достаточно, чтобы доказать вину. В случае, если многие из них не явятся, судья может принять меры для их поиска и вызова в суд и заставить их рассказать правду под присягой. Он также имеет право допросить свидетелей до начала судебного разбирательства. Что касается требований, необходимых для выступления в качестве свидетелей, “Молот ведьм” заявляет, что отлученные от церкви, сообщники, объявленные вне закона, сбежавшие и распутные женщины являются безупречными свидетелями в делах, где замешана вера. Ведьме разрешается свидетельствовать против ведьмы, жене против мужа, мужу против жены, детям против родителей и так далее, но если показания сообщников или родственников в пользу обвиняемого, то они не имеют силы; *ибо кровь, конечно, гуще воды*, и один ворон не по своей воле выклеывает глаза другому.

“Молот ведьм” позволяет обвиняемому иметь адвоката, но добавляет: “Если адвокат защищает своего подозреваемого клиента слишком горячо, правильно и разумно, что его следует считать гораздо большим преступником, чем колдуна или саму ведьму; то есть, как защитник ведьм и еретиков, он более опасен, чем колдун. На него следует смотреть с подозрением в той же степени, в какой он рьяно защищает”. Но судебный процесс может быть достаточно трудным и без того, чтобы ему мешал хитрый адвокат. “Молот ведьм” гласит, что для того, чтобы сбить с толку такого человека и заманить обвиняемого в ловушку, необходимо, чтобы судья вспомнил слова апостола: “*Будучи хитрым, я поймал вас лукавством*”, и показал себя хитрым. “Молот ведьм” информирует судью о пяти “честных и апостольских уловках” (именно так говорится в книге); одна из них заключается в том, чтобы включить в копию протокола судебного разбирательства, которая вручается адвокату защиты, ряд фактов, которые не имели места на судебном процессе, и смешать имена свидетелей. “Это означает, что обвиняемый и его адвокат могут быть настолько сбиты с толку, что они даже не будут знать, кто что сказал и что было сказано”.

Среди вопросов, которые следует задать обвиняемому, “Молот ведьм” рекомендует ряд, качество которых можно оценить, прочитав следующие примеры: “Знаете ли вы, что люди считают вас ведьмой? Почему за вами наблюдали на территории N. N.? Почему вы прикасались к ребенку (или корове) N. N.? Как случилось, что ребенок (или корова) вскоре после этого заболели? Чем вы занимались вне дома, когда разразилась буря? Как вы можете объяснить, что ваша корова дает в три раза больше молока, чем коровы других?”

В работе Шпренгера дается подробный отчет о обращении, которому должен подвергнуться человек, обвиняемый в колдовстве и переданный судье. Перед судом обвиняемый должен быть предан казни на дыбе, чтобы его разум мог склониться к признанию вины. Некоторые, вместо того чтобы признать свою вину, позволяют разрывать себя на части; они “худшие ведьмы”, и их стойкость объясняется предположением, “что дьявол закаляет их против пыток”. Других, которые были менее верны ему, он бросает, и таким образом их легко склонить к исповеди. “Если в течение первого дня от ведьмы не удалось добиться признания”, — мы дословно цитируем “Молот ведьм”, — “пытку следует продолжить на второй и третий день. Гражданское законодательство, конечно, запрещает *повторять* пытку, когда не было представлено никаких доказательств, но она может быть *продолжена*.”

Поэтому судья должен использовать следующую формулу: “Мы постановляем, что пытка должна быть *продолжена* (не *повторяться*) завтра”.

На второй день обвиняемому должны быть предъявлены орудия пыток, и присутствующий священник прочтет следующее заклинание: “Я заклинаю тебя, Н. Н., именем Святой Троицы, горькими слезами Иисуса Христа, которые он пролил на кресте... слезами Божьих святых и избранных, которые они пролили над миром ... что, если ты невиновен, ты немедленно проливаешь обильные слезы; но, если ты виновен, то вообще без слез. Во имя Бога, нашего Отца, Сына и Святого Духа. Аминь”.

Человек, заколдованный таким образом, редко плачет. Но если это произойдет, судья должен убедиться, что глаз ведьмы увлажнен не слюной или какой-либо другой жидкостью. Ведьму нужно ввести в зал суда задом наперед, чтобы судья увидел ее раньше, чем она увидит его. В противном случае она может околдовать его и вызвать в нем сострадание к преступнику.

Перед допросом свидетелей обвиняемая должна быть полностью раздета и сбриты все волосы на теле, а ее конечности должны быть тщательно осмотрены, чтобы убедиться, нет ли на них отметин, поскольку дьявол метит свои собственные. Далее необходимо убедиться, уколов иглой, лишена ли какая-либо часть тела чувствительности, ибо это верный признак ведьмы. И все же отсутствие такого знака ни в коем случае не доказывает невинности.

Если ведьму никакими средствами нельзя заставить признаться, то судья должен отправить ее в отдаленную тюрьму. Нужно убедить привратника, кого-нибудь из друзей и целомудренных женщин навестить заключенную и пообещать помочь ей бежать, если она только расскажет им о некоторых своих уловках. Таким образом, замечает автор “Молота ведьм”, мы заманили в ловушку многих.

На этом мы завершаем наш рассказ об ужасной книге Шпренгера. Читатель достаточно поразмыслил над этим плодом на дереве дьявола. — Возможно, его рассмотрение вызовет у нас отвращение, но его поучения поучительны. Пусть мы узнаем дерево по плодам, и пусть мы вырвем его с корнями — с теми корнями, которые все еще так обильно орошаются людьми, которые не ведают, что творят. Костры, которые булла папы Иннокентия зажгла по всей Европе, отбрасывали свой таинственный свет далеко в те времена, которые были названы современными, — далеко в восемнадцатый век. Сосчитать этих жертв костра было бы невозможно. Однако в наши дни иногда предпринимаются попытки сделать это; просматриваются архивы и делаются открытия, которые превосходят все ожидания. Жертвы исчисляются миллионами.

Возраст не щадили. Детей приводили на костер вместе с их матерями. Безмолвное, мрачное предчувствие охватило каждую общину, когда объявление на дверях церкви возвестило о прибытии инквизитора. Всякая работа в лавках и на полях прекратилась, и все злые страсти разгорелись с еще большей силой. Тот, у кого был открытый враг или кто подозревал тайную зависть, заранее знал, что он погиб. Считалось, что лучше предвосхищать, чем быть предвосхищенным при доносе; и едва трибунал приступил к своей деятельности, как он был переполнен осведомителями. “Когда в одном месте начали сжигать ведьм, - говорит автор семнадцатого века, - их находили все больше по мере того, как они сжигались”. В различных общинах Германии и Франции все женщины были отправлены на костер. Во многих случаях дело заходило так далеко, что князья и властители были вынуждены из страха увидеть

истребление своих подданных по *авторитетному приказу* противостоять безумию инквизиторов. Жадность подлила масла в огонь, который разожгли суеверия и ненависть. Мы приведем лишь один пример из истории шотландских процессов над ведьмами. Человек по имени Хопкинс, отправленный на виселицу, осужденный за убийство, признался там, что он привел на костер двести женщин, причем за вознаграждение в двадцать шиллингов каждой — сумму, которой наградил его судья.

И на протяжении многих веков во всей Европе не было слышно ни единого голоса, поднятого в попытке остановить убийство оружием разума или религии! Если и был кто-нибудь, кто не разделял безумия его времени, страх парализовал его язык, а ученость и религия, далекие от того, чтобы препятствовать злу, сами впряглись в его торжествующие уши. С Библией в руках богословы санкционировали эти варварские действия, а ученые защищали их доводами, почерпнутыми из отцов церкви, и тонкой аргументацией. Протестантские богословы соперничали с католиками в обучении. Даже Лютер и первые реформаторы не препятствовали вере в дьяволов, а поощряли ее. Если отцы церкви описывали язычество как дело рук и империю сатаны, то Лютер относил предшествующую жизнь Церкви с начала папства к той же сфере и превратил всю историю человечества в дьявольскую драму. Борьба между Реформацией и католицизмом еще одним образом способствовала усилению веры в дьяволов. Религиозное соперничество будоражило умы того времени до самых сокровенных глубин. Многие из тех, кто занимал промежуточную позицию между проповедником-реформатором, с одной стороны, и католическим священником, с другой, колебались между старым и новым, и совесть многих, уже принявших новое, была взбудоражена беспокойством и сомнениями. Католический богослов видел в этих сомнениях начало победы над сатанинским заблуждением; протестантский богослов объявил, что те же сомнения были внушены создателем папства, дьяволом. Мы можем оценить такое положение вещей, прочитав “Тишреден” Лютера. Люди, напуганные, например, сном или странным шумом ночью (ничего большего для такого эффекта не требовалось), спешили к своему пастору, чтобы поделиться с ним своими бедами. Затем им сообщили, с одной стороны, что сон или голос были вызваны дьяволом, перед которым их связало отступничество, или, с другой стороны, что сатана пытался запугать их и вернуть к заблуждениям, от которых они отказались. В обоих случаях агентом был архидемон. “Он был в рыцарском замке, дворцах сильных мира сего, библиотеках ученых, на каждой странице Библии, в церквях, в залах правосудия, в кабинетах юристов, в лабораториях врачей и естествоиспытателей, в коттеджах, на фермах, в стойлах — везде”.^[50]

Он действительно был повсюду, и христианский мир превратился в ад. “Вера в дьявола, - говорит британский автор,^[51] говоря на эту тему, “ привела к тому, что все рациональные знания исчезли, что всякая здравая философия была отвергнута, что мораль людей была отравлена и человечество погрузилось в водоворот безумия, безбожия и жестокости. Все классы были унесены этим водоворотом. Бог природы и Откровения больше не держал в своих руках бразды правления миром. Силы ада и тьмы, порожденные больным воображением, воцарились на земле”.

Отбрасывая свою мрачную тень даже на восемнадцатый век, вера в колдовство пустила свои глубокие и могучие корни именно в средние века. В этом нет ничего удивительного. Люди средневековья жили не столько в реальном мире, сколько в мире магии, в мире, больше

напоминающем картины “Гельветов-Брейгелей”, чем описания острова Армидас. Воздух был пропитан демоническими испарениями. Популярная литература состояла из легенд о святых и историй о дьяволе. Церковь, всеобщее убежище от дьявола, видела и учила людей видеть повсюду игру злых сил, которые должны быть побеждены магическими практиками, и среди Аримана и его воинства, которые теперь утвердились на Западе, и как наследники рогов и хвостов Панов и фавнов, двигалась толпа местных духов; бесы, великаны, тролли, лесные духи, эльфы и хобгоблины на земле; никсы, речные духи в воде, демоны в воздухе и саламандры в огне. И к этим элементарным духам была добавлена целая фауна монстров, таких как драконы, грифоны, оборотни-волки, ведьмины коровы, свиньи Тора и так далее. Но на этом обзор не заканчивается: призраки, привидения, вампиры, духи, вызывающие кошмар, и так далее — сверхъестественные существа, происходящие из мира людей, но имеющие более тусклые очертания, чем предыдущие, — завершают пеструю процессию. В нем также есть место мандрагоре. Это существо заслуживает нескольких строк, поскольку сейчас оно исчезло из народных суеверий.

Мандрагора или альрун[52] изначально была очень редким растением, которое вряд ли можно найти, кроме как под виселицей, где был повешен чистый юноша.[53] Тот, кто ищет траву, должен знать, что ее нижняя часть имеет форму человека, а верхняя состоит из широких листьев и желтых цветов. Когда его отрывают от земли, он вздыхает, визжит и стонет так жалобно, что тот, кто услышит это, должен умереть. Чтобы найти его, нужно выйти на улицу до восхода солнца в пятницу утром, предварительно тщательно набив уши ватой, воском или смолой, и привести с собой черную собаку без единой белой шерсти. Необходимо трижды осенить мандрагору крестным знаменем и тщательно перекопать почву вокруг нее так, чтобы к ней прикреплялись только тонкие корешки. Затем его привязывают веревочкой к хвосту собаки, и кусочек хлеба притягивает ее вперед. Собака вырывает растение из земли, но падает замертво, пораженная ужасным криком мандрагоры. Затем его приносят домой, омывают в красном вине, заворачивают в красно-белый шелк, кладут в святилище, снова моют каждую пятницу и надевают белое платье. Мандрагора раскрывает скрытые вещи и будущие события и обеспечивает владельцу дружбу всех людей. Серебряная монета, положенная на нее вечером, утром удваивается. Тем не менее, монета не должна быть слишком большого размера. Если вы покупаете мандрагору, она остается у вас, бросайте ее куда хотите, пока не продадите ее снова. Если вы сохраните его до своей смерти, вы должны отправиться с ним в ад. Но продать его можно только по более низкой цене, чем было куплено. Следовательно, тот, кто купил его за самую мелкую из существующих монет, безвозвратно потерял.

Существо, называемое мандрагорой, было, как мы видим, разновидностью “*Spiritus familiaris*”. Но оно появилось в еще одной форме. Случалось, что авантюристы выдавали себя за мандраг и благодаря этому мистическому происхождению добивались успеха при дворе, впервые духовно став людьми благодаря христианскому крещению. Но из-за крещения они утратили свою чудотворную силу, что в значительной степени нанесло материальный ущерб им самим и другим. Еще больше было тех авантюристов в Средние века, которые утверждали, что они сами или другие являются ублюдками дьяволов и людей. Но если они вели непорочную жизнь, демонстрируя твердую веру в догматы Церкви, то опасность такой родословной была не больше чести. Сыну падшего ангела не нужно было склонять голову перед человеком благородного происхождения.

В демонической фауне средневековья оборотень играет слишком важную роль, чтобы ее можно было обойти молчанием. Он был ужасом сельских районов. Обратни - это мужчины, которые на время превращаются в волков, а затем отправляются на охоту за детьми. Вера в оборотней очень древняя. Античные авторы говорят об этом как о суеверии среди скифов, а также среди пастухов и крестьян в восточных провинциях.^[54] Тогда считалось, что изменение произошло в результате произрастания определенных трав в Понте; в средние века именно дьявол заворачивал ведьму или заколдованного человека в волчью шкуру. Даже эта вера была принята и провозглашена Августином. Августин — тот самый отец, который заявил, что не поверил бы Евангелию, если бы авторитет Церкви не призывал его к этому, — считал достойным саддукейского или языческого философа в одиночку отрицать существование такого хорошо известного явления, как оборотень. Император Сигизмунд поручил теологам “научно” исследовать этот вопрос в его присутствии, и они пришли к общему согласию, что оборотень является “положительным и постоянным фактом”; поскольку существование дьявола признано, нет причин отрицать существование оборотня, поскольку это подтверждается авторитетом отцов Церкви и общим опытом.^[55] Это “общее переживание” в конце концов стало, подобно вере в колдовство, свирепым психическим заболеванием, эпидемией (“*insana zoanthropica*”), поразившей целые районы в различных частях Европы и отправившей многих безумцев, признавшихся в судах в своих воображаемых грехах, на место казни.^[56]

С этой ликантропией почти связан более ужасный вампиризм. Вампиры, согласно верованиям Средневековья, - это развоплощенные души, которые снова облачаются в свои похороненные тела, по ночам проникают в дома и высасывают из сосков спящих всю их кровь. Тот, кто таким образом лишается жизненной жидкости, в свою очередь превращается в вампира и предпочтительно навещает своих собственных родственников. Если выкопать труп человека, подозреваемого в вампиризме, и надавить ему на живот, изо рта потечет много свежей крови. Труп хорошо сохранился. Вера в вампиров также породила своего рода психическую заразу, которая еще в восемнадцатом веке сеяла ужас в австрийских провинциях.^[57]

Если колдовство было воображаемой народной магией, то существовало и реальное, и оно заключалось в бесконечном разнообразии обычаев, обрядов и правил для всех условий жизни. Не говоря уже об обширных рукописных календарях астрологов, в которых указывалось, какие созвездия, времена года и дни благоприятны для омовения, кровопускания, стрижки волос, бритья, строительства дома, ухода, найма слуг, отправления в путешествия и так далее, среди людей существовало невероятно большое количество жизненных правил, которые должен знать любой человек, желающий избежать постоянной опасности навлечь несчастье на себя и свою семью.

От пробуждения утром до отхода ко сну ночью следовало соблюдать следующие принципы: если утром встать с постели не той ногой, то это так же неизбежно повлечет за собой неприятности в течение дня, как небрежное расположение обуви каблуками к кровати на ночь обязательно вызовет посещение призраков или дурные сны. Когда рождаются дети, никто не должен выходить или входить, или открывать дверь, не принеся с собой огня, чтобы тролли не смогли проникнуть внутрь и обменять ребенка; и никто, входящий, не должен произносить ни слова до того, как прикоснется к огню. По той же причине за ребенком, пока он некрещеный, нужно тщательно присматривать каждую ночь, а в очаге постоянно поддерживать огонь. Перед

крестинами ребенка нельзя переносить из одной комнаты в другую, не положив рядом с ним металлолом. Если два мальчика будут крещены по одному и тому же случаю, тот, кто первым получит свое имя и благословение, будет лучше всего одарен как физически, так и умственно. В день крещения матери следует избегать обращения с топором, ножом или другими режущими инструментами, иначе ребенок через некоторое время будет убит. Если пол под люлькой подметен, ребенок лишится сна. Если люльку передвигают, когда в ней нет ребенка, ребенок становится раздражительным. Когда ребенок зевает, над его ртом должно быть совершенно крестное знамение и добавлены слова “Иисус, сын Божий!”; в противном случае в него войдет дьявол. Если ребенок ночью выглянет в окно или посмотрится в зеркало, он заболеет. Дети, наказанные в воскресенье, становятся непослушными; но ребенок, которого выпороли в Страстную пятницу перед заходом солнца, станет послушным и хорошо воспитанным. Если ребенок ходит в одном ботинке, у матери будет болеть спина. Если ребенок ходит или бежит задом наперед, это загоняет его родителей на много шагов в ад. У ребенка, который ест и читает одновременно, ухудшается память. Если первый подарок жениха своей невесте состоит из туфель, она будет неверна, если из чулок, она будет ревновать. Бракосочетания по понедельникам, средам и субботам неудачны. Если свадебная процессия по какой-либо причине остановится, у супружеской пары возникнут разногласия. Если обручальное кольцо слишком маленькое, впереди несчастье. Из новобрачных умирает тот, кто первым опустится на колени или поднимется с колен. Те, кто держит балдахин, не должны переходить из рук в руки и прикасаться к короне невесты, ибо это предвещает несчастье и скуку. Если при выходе встретится пожилая женщина или женщина, несущая воду, следует вернуться в комнату. Когда стол накрыт, на него немедленно нужно положить хлеб. Хлеб ни в коем случае нельзя класть верхней корочкой вниз. Необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы удалить все вещества, выделенные из тела, такие как волосы, ногти, кровь; они должны быть зарыты в землю, чтобы не соприкасаться с больными людьми или не попасть в руки ведьм.

Мы выбрали приведенные выше обряды и правила в качестве примеров тех тысяч предписаний для любых условий жизни, которые были собраны исследованиями в этой области из уст людей. Для создания полной коллекции потребовался бы большой объем. Во всех них виден рабский страх перед таинственными злыми влияниями, подстерегающими со всех сторон, сила или бессилие которых по отношению к человеку зависит не от его морали, а только от того, как он наблюдает за определенными этически безразличными действиями. Многие из них, по-видимому, возникли только в результате ошибочного применения теории причинности; другие зависят от символического метода созерцания природы. Какая разница между этой народной мудростью и той, что хранилась у греческих гномов или у язычников Хавамала! Часть первого также может быть семейной реликвией, но как буйно разрослись эти суеверия за столетия зрелой и вопиющей веры в персонифицированное зло; как глубоко они пустили корни в народе, в то время как Хавамал был спасен от потока времени только рукой ученика!

К числу суеверий следует отнести магические предсказания болезней и смерти. Многими были приметы приближающейся фигуры-скелета с косой и бокалом. Они были слышны в карканье ворон, вое собак, стрекотании сверчка и размеренном тиканье древоточца, спрятанного в стене. Если лошадь священника, ехавшего навестить больного в своем приходе, опускала голову, подъезжая к дому, если комар был пойман на том, что грыз какую-либо одежду, если внезапно погас свет, если упала статуэтка, если разбилось стекло или зеркало, это указывало на приближающуюся смерть в доме. Чтобы определить судьбу больного, кусок хлеба, который он съел, клали в темный угол и наблюдали за изменением его цвета; или предлагали собаке

кусоч сала, которым были намазаны подошвы больного, или поднимали камень, чтобы посмотреть, не спрятано ли под ним что-нибудь. Если хлеб становился темным, или если собака отказывалась есть то, что ей предлагали, или если под камнем не было ни одного живого существа, то больной человек считался неизлечимым, и надеяться было нечего даже на унаследованные медицинские навыки мудрых стариков и женщин. Упражнение в этом навыке состояло в использовании, наряду с “чтением” и заклинаниями, частично трав с более или менее известной эффективностью, а частично также, как представляется, магнетических сил, к которым прибегали механически, без размышлений.

Медицинское искусство, передаваемое людьми из поколения в поколение, является предметом, который никто, кроме дальновидного и непредубежденного ученого-медика, не может лечить, и который до сих пор оставался без того исследования, которого этот предмет, несомненно, заслуживает, по крайней мере, с исторической точки зрения. В конце средних веков среди приверженцев галенического искусства был гениальный человек, который, отчаявшись найти в фолиантах медицинской схоластики какие-либо следы истины, покинул лекционную аудиторию и отправился во внешний мир, чтобы, как он сам говорил, прочесть книгу природы и узнать что-нибудь о том медицинском инстинкте, которым Бог, как он верил, должен был наделить как людей, так и животных, и который должен был найти истинное выражение только в людях, живущих в непосредственной согласии с природой. Этим человеком был Парацельс. Тот, кто презирал и осыпал насмешками корифеев своего времени на медицинских факультетах, не побрезговал прислушаться к “опыту крестьян, старух, ночных бродяг” и бродяг“ и к магнетической системе, которую он построил “при освещении естественным светом, а не при свете лампы в аптекарской лавке”, основанной, по всей вероятности, на общих принципах, которые он нашел во множестве симпатических методов лечения, практикуемых в народе. В “чтении”, которым сопровождалось это исцеление, Парацельс справедливо видел не что иное, как субъективный момент и средство сделать веру и воображение союзниками врача. Масса этих заклинательных формул при различных заболеваниях была собрана и опубликована в различных странах Европы. Они предлагают читателю мало или вообще ничего интересного.[58]

Очень распространенным явлением в Средние века было измерение состояния больного человека в одно время, чтобы вылечить его, в другое - чтобы выяснить, уменьшается или усиливается болезнь. Другим способом было протащить его через яму. Больных детей вытаскивали через ямы, вырытые в земле, или через расщелину вишневого дерева. Больных овец заставляли ползти через расщелину дуба, и так далее. Другим средством от многих видов страданий было обвязывание нитки или бинта, над которыми читали, вокруг шеи или какой-либо конечности больного. С этим связано завязывание ведьминых узлов, используемых только со злым умыслом. Для них требовались ленты разных цветов и материалов[59]. Их закапывали недалеко от жилища пострадавшего. Считалось, что таким образом можно ослабить любую конечность или физическую силу врага. Французский юрист и судья-колдун Пьер Деланкр жалуется, что в его дни во Франции было мало супружеских пар, счастье которых не было омрачено подобным образом; молодые люди едва осмеливались вступать в брак из-за страха перед этим. Хинкмар, архиепископ Реймса, посоветовал в качестве средства против этого влияния усердное использование таинств. Во французских ритуалах предписываются церковные молитвы против воздействия ведьминых узлов. Едва ли менее распространенным был обычай делать кукол из тряпья, теста, воска или глины, наречь их именем ненавистного человека, предать огню или проткнуть иголками и закопать под порогом этого человека, и все

это для того, чтобы причинить ему страдания.[60] Болезни также можно было передать куклам, прочитав определенные формулы и поместив их в какое-нибудь недоступное место или в проточную воду.

Люди свободно прибегали к магическим средствам не только от болезней, но и от опасностей пожара и войны, от невезения в любви или на охоте, в путешествиях и тому подобном..... “Молот ведьм” горько жалуется на преступную практику солдат калечить распятия, чтобы закалить себя от меча и пуль. Палач из Пассау приобрел во время Тридцатилетней войны широкую известность благодаря своему умению закалять человеческий организм, что он делал с помощью клочков бумаги с каббалистическими фигурами (Passauer Henkers-Zettel), которые употребляли в пищу. Вера в то, что охотники добывают с помощью заклинаний “бесплатные стрелы” и “бесплатные пули”, была очень распространена. “Молот ведьм” обвиняет различных властителей в том, что они платят “дьявольским лучникам”, которые попадают в цель с большого расстояния, не целясь. При пожарах было принято бросать в пламя так называемые щиты Давида - пластины с двумя пересекающимися треугольниками и девизом “Агла” (инициалы четырех еврейских слов, означающих: “Ты силен вечно, о Господь!”) и “совершенство есть”. Еще в середине прошлого века магистрат Лейпцига приказал, чтобы такие пластины были сложены в ратхаусе для использования в случае пожаров. В католических странах духовенство взяло использование магических средств против пожаров в свои руки; процессии с пением и реликвиями трижды обходили горящий дом, и если это не оказывало благотворного эффекта, это было верным признаком того, что Бог позволил дьяволу использовать всепожирающую стихию для разрушения.

Объем этого трактата не позволяет подробно изложить многие прорицательские искусства, имевшие своих адептов в народе. Церковь, яростно проповедующая против этих искусств и представляющая их орудиями дьявола, отца лжи и основателя оракулов, однако, не отрицала, а могла подтвердить библейскими цитатами их способность раскрывать будущее.

Все, что мы здесь описали, было для Церкви черной магией: все мистические практики среди людей, независимо от того, применялись ли они в добрых или злых целях, для исцеления или врачевания, рассматривались как подразумевающие презрение к божественной магии самой Церкви, а также союз с дьяволом, если не формальный, то, во всяком случае, “подразумеваемый пакт”. Поэтому именно обладателей традиционного народного искусства врачевания первыми отправляли на костер везде, где инквизиция начинала свои судебные процессы. Но никакой терроризм не мог искоренить популярную магию, пока сами преследователи верили в ее эффективность и боролись только за святое суеверие против ее запрещенной подделки. Борьба с суевериями как Церкви, так и народа была отложена до другого времени и для другой теории мироздания и морали.

Так называемые странствующие схоласты (*scholastici vagantes, scholares erratici*) образовывали своего рода связующее звено между магией ученых и магией простых людей. Это были разорившиеся и предприимчивые студенты, священники и монахи, которые бродили по сельским округам большинства европейских государств, особенно Германии, выдавая себя за кладоискателей, продавая “*spiritus familiares*”, амулеты, приворотные зелья и жизненные эликсиры, вызывая духов, гадая по звездам и исцеляя людей и скот. Эти авантюристы были связаны в обычную гильдию и имели, как и другие бродячие торговцы, свое жилье и больницы в городах. Они были страшными конкурентами отцов-ведьм из монастырей, несколько раз

подвергались отлучению от Церкви и, похоже, почти исчезли, когда всерьез начались суды над ведьмами. Именно с таким человеком связана легенда о Фаусте. Она отражает распространенное мнение о силе ученых магов.[61]

Тот же период, когда была обнародована булла Иннокентия, а вера в дьяволов достигла кульминации в процессах над ведьмами, породил *ренессанс*. Этот спаситель пришел в мир в час его величайшей нужды. Эллинский дух, возродившийся в результате изучения классической литературы и классического искусства, был новым Мессией, наступившим пяткой на голову древнего змея и спасшим человечество от власти смерти и дьявола. Люди, сидевшие в темноте, освещенные только зловещим пламенем, разожженным инквизицией, увидели великий свет и протянули руки навстречу новому рассвету. Изучение древних оказало огромное влияние, тем более что реальный мир сильно отличался от античного. Эксгумированные памятники Эллады выявили иные государственные системы, отличные от феодальных средневековых, — государства, которые были организациями, а не просто механическими конгломератами завоевателей и покоренных, и были основаны на более благородной основе, чем данные или предполагаемые привилегии. Эти памятники свидетельствовали о независимом поиске истины, который поставил себя выше традиций — новое зрелище для людей Средневековья! Они открыли искусство, в котором царила гармония между духом и природой, между высшей жизнью и чувственностью, между относительными противоположностями, которые средневековые считало абсолютными, противопоставляя их друг другу в борьбе, разрушавшей красоту и нравственность. Они раскрывали крупные симметричные характеры, свободные как от средневекового аскетизма, так и от дикой чувственности того времени. Все эти идеи, воспетые с энтузиазмом, не могли не преобразить облик мира. Они ниспровергли тьму Средневековья, обратили дьявола и преисподнюю в бегство и загнали их в тот захолустный уголок духовного царства, где они находятся в настоящее время, но откуда при любой политической реакции они жадно выглядывают, наблюдая, не удастся ли им снова прибрать к своей власти весь огромный мир. Но они вряд ли преуспеют в этом, пока свобода мысли и научная независимость охраняются как важнейшие условия духовного здоровья человечества; и они потерпят полное фиаско, когда всесторонний интеллект научит людей тому, что предпосылки догмы о дьяволе, если бы их можно было снова привить массовому сознанию, снова показали бы те же результаты, которые были изображены выше, и вернули бы нас к ужасным временам инквизиции и сожжения ведьм. Этого, без сомнения, не желают даже ортодоксальные защитники веры в олицетворяемый принцип зла; но они не замечают, что история действует более последовательно, чем они, и излечивает общие ошибки только тем, что заставляет долгие поколения извлекать из них последние последствия и испытывать их на себе в полной мере.

КОНЕЦ.

Сноски:

[1] Henricus Cornelius Agrippa ab Nettesheim: "De occulta Philosophia."—I., XIII.

[2] Henricus Cornelius Agrippa ab Nettesheim: "De occulta Philosophia."—I., XIII.

[3] *Ibidem*.

[4] Этот отрывок, направленный против правителя Ассирии, уже был истолкован ранними отцами церкви как относящийся к сатане. Таким образом, Люцифер, что в переводе с латыни означает "Утренняя звезда", стало именем князя тьмы.

[5] От Луки х. 18.

[6] "О современном мире, о страданиях человека", небольшая книга, написанная около 1200 года впоследствии папой Иннокентием III.

[7] Слова Лютера, который, в дополнение к своей дуалистической вере, был подлинным сыном того же Средневековья, хотя и разрушителем его автократической веры.

[8] Как таковые, тленные и нереальные, все злые вещи рассматривались неизвестным автором в Средние века. В своем прекрасном труде "Немецкая теология" он, среди прочего, говорит: "Теперь кто-то может спросить: 'Поскольку мы должны любить все, должны ли мы также любить грех?' Ответ - нет; ибо, когда мы говорим "все", мы имеем в виду только то, что хорошо. Каждая существующая вещь хороша в силу своего существования. Дьявол хорош в той мере, в какой он существует. В этом смысле в существовании нет ничего злого. Но грехом является желание или любовь к чему-либо, кроме Бога. Итак, все вещи по существу находятся в Боге, и более по существу в Боге, чем в самих себе; следовательно, все они хороши в своей реальной сущности". Небольшое произведение, из которого процитировано вышеизложенное, является выражением глубокой и благочестивой души, изо всех сил пытающейся преодолеть дуализм, сковавший его эпоху. Примечательно, что на Лютера ее дух не оказал более сильного влияния, хотя он и признает, что "Рядом с Библией и св. Августин, я не нашел ни одной книги, из которой узнал бы больше".

[9] See the work "Summa Theologica" (supplementum ad tertiam partem, quæst. 94) самого выдающегося и влиятельного среди теологов Средневековья Фомы Аквинского. It is there said: "Ut beatitudo sanctorum eis magis complacet et de ea uberiores gratias Deo agant, datur eis ut pœnam impiorum perfecte videant.... Beati, qui erunt in gloria, nullam compassionem ad damnatos habebunt.... Sancti de pœnis impiorum gaudebunt, considerando in eis divinæ justitiæ ordinem et suam liberationem de qua gaudebunt."—With this may be compared the following execrable effusion of another theologian: "Beati cœlites non tantum non cognatorum sed nec parentum sempiternis suppliciis ad ullam miserationem flectentur. Imo vero lætabuntur justi, cum viderint vindictam; manus lavabunt in sanguine peccatorum."

[10] Тертуллиан.

[11] Это было опровергнуто в том, что касается первоначального учения Зороастра, но подтверждается отрывком из Аристотеля (Метафизика., I., XIV., с. 4).

[12] A. F. Ch. Vilmar: “Theologie der Thatsachen wider die Theologie der Rhetorik” (Marburg, 1857).

[13] Так, например, предполагалось, что красный блеск меди указывает на то, что она связана с Марсом, который сияет красноватым светом.

[14] “Non baptisatis parvulis nemo promittat inter damnationem regnumque cœlorum quietis vel felicitatis cujuslibet atque ubilibet quasi medium locum; hoc enim eis etiam hæresis Pelagiana promisit” (Augustinus: De Anima et Ejus Origine, 1. l., c. IX). В одном из своих писем Августин заявляет, что даже если родители спешат к священнику, и он также спешит окрестить ребенка, но находит его мертвым до того, как он примет причастие, он, тем не менее, обречен вечно мучиться с проклятыми и хулить имя Божие.

[15] Все это встречается в связи с крещением в языческих мистериях.

[16] Выдержка из формулы, данной на Римском соборе в 1059 году нашей эры Беренгару Турскому, которой он был вынужден присягнуть под страхом смертной казни.

[17] Облатка, заменявшая в двенадцатом веке хлеб, называлась хост.

[18] Открытие, сделанное в наши дни датским богословом Мартенсенсом, что пища, получаемая на Вечере нашего Господа, предназначена не только для души, но и для тела, — для питания нашего тела вознесения, на самом деле не ново; язычника, посвященного в мистерии Митры, учили, что освященные хлеб и вино, будучи ассимилированными в его плоть и кровь, давали бессмертие его телесному существу. Сходные предпосылки порождают в разное время сходные идеи.

Важный вопрос Средневековья, который с большим жаром обсуждался со времен Петра Ломбардуса до семнадцатого века, звучит следующим образом: причастилась ли крыса, отведавшая воинства, тела Христова? В связи с этим далее был задан вопрос: как следует обращаться с крысой, съевшей тело Христа, — следует ли ее убить или почитать? Должно ли таинство почитаться даже в желудке крысы? Если часть освященного хлеба обнаружена в желудке крысы, обязано ли это съесть? Что нужно делать, если сразу после принятия причастия на человека нападает рвота? Если крыса может съесть хозяина, разве дьявол не может сделать то же самое? Одним из последних результатов этих важных исследований является книга, опубликованная в Тюбингене в 1593 году, озаглавленная: “*Mus exenteratus, hoc est tractatus valde magistralis super quæstione quadam theologica spinosa et multum subtili*”, etc.

[19] В период политической реакции 1815 года, когда Шлегель и де Местр восхваляли Средневековье как эпоху блаженства человека, а Геррес стремился восстановить доверие ко всем забытым историям о призраках и вампирах во время “государственного периода просвещения”, брюссельское духовенство отмечало процессиями и другими торжественными мероприятиями годовщину преследования евреев в Намюре.

На синоде в 1099 году нашей эры было издано воззвание, запрещающее священникам вступать в какие-либо раболепные отношения с мирянами, потому что было бы постыдно, если бы пресвятые руки, готовившие плоть и кровь Всемогущего Бога, служили неосвященным мирянам. Знаменитый оратор Бурдалу требовал, чтобы священнику воздавалось большее почтение, чем святой Деве, потому что Бог воплотился в ее лоне только один раз, но находился в руках священника ежедневно, так часто, как читалась месса.

[20] Древнейшее христианское искусство, в котором все еще проявляется умирающий дух древности, изображало Иисуса в виде юноши-пастуха, несущего ягненка на груди. Многие могли лишь с грустью отвернуться от сияющего мира Олимпа к новому христианскому идеалу, и когда им было необходимо это сделать, они с радостью переносили на нового “чистого искупителя” кроткую красоту прежнего юного посредника, Диониса Загрея. В дошедших до нас гимнах Синезия, который объединил в одном лице епископа и грека, все еще жаждущего мудрости и красоты (несомненно, известного многим нашим читателям по роману Кингсли “Ипатия”), эта печаль удивительно гармонирует с христианской набожностью. С крушением античного мира это страстное желание, равно как и возможность его удовлетворения, прекратились. После этого материальный символ занял более заметное место. Если финикийцы и хананеи представляли своего бога телесно в виде сильного быка, то христиане выбрали терпеливого и безобидного агнца в качестве своего прообраза. Константинопольский собор в 692 году нашей эры подтвердил этот символ агнца. Поскольку Аарон создал золотого тельца, папа Сергей III распорядился сделать агнца из золота и слоновой кости. Со всеми, кто восставал против его поклонения, обращались как с хулиганами и еретиками. Во времена Карла Великого один из них, туринский епископ Клавдий, от которого происходят вальденсы, жаловался: “Истинный догматический аукцион, проводимый агнос вивос добровольно во время и в окружении пиктосонов обожания.”

[21] Папа Урбан Витус представил *agnus Dei* византийскому императору. В сопроводительной записке описывалась его чудесная сила в следующих монашеско-латинских гекзаметрах:—

*Balsamus et munda cera cum chrismatis unda
Conficiunt agnum, quod munus do tibi magnum
Fonte velut natum per mystica sanctificatum.
Fulgura desursum depellit, et omne malignum
Peccatum frangit, ut Christi sanguis et angit.
Prægnans servatur, simul et partus liberatur.
Dona refert dignis, virtutem destruit ignis.
Portatus munde de fluctibus eripit undæ.*

[22] Еще в 1784 году Карлом Теодором, курфюрстом Пфальцским, был издан закон, ссылающийся на магическую силу мощей святого Губерта и запрещающий применение “мирских” средств от укусов бешеных собак.

[23] В 1240 году в Люттихе состоялась большая процессия с дождем. Трижды повторенное это не возымело никакого эффекта, “потому что по мольбе всех святых была забыта Божья мать”. Поэтому во время новой процессии была спета “*Salve regina*”, и дождь немедленно хлынул с такой силой, что благочестивая процессия была разогнана. Иногда священнослужители, чтобы вызвать дождь, подводили осла к воротам церкви, вешали ему на шею литанию, клали в рот облатку, а затем хоронили животное заживо.

[24] Средневековая Церковь была особенно богата ужасными формулами проклятий, свидетельствующими об огромной жестокости мысли и чувств. Одного образца этих формуляров будет более чем достаточно, чтобы проиллюстрировать:—

“Мощью, могуществом и властью Бога, Всемогущего Отца, Сына и Святого Духа и во имя Пресвятой Девы, матери Господа нашего Иисуса Христа, святыми ангелами, архангелами, Святым Михаилом и Святым Иоанном Крестителем, во имя святого апостола Петра и всех апостолов, во имя святого Стефана и всех святых мучеников, и Святой Адельгунды и всех святых дев, и всех святых на небесах и на земле, которым дана власть связывать и освобождать, — мы проклинаяем, проклинаяем и исключаем из общества. мать-Церковь через узы проклятия (здесь следуют имена людей). Пусть их дети осиротеют; пусть они будут прокляты на поле боя, прокляты в городе, в лесу, в своих домах и амбарах, в своей комнате и своей постели, в ратуше, в деревне, на суше и на море; пусть они будут прокляты в церкви, на церковном дворе, в зале суда, на площади и на войне; разговаривают ли они, спят, бодрствуют, едят или пьют, идут ли они, отдыхают или делают что-либо другое, пусть они будут прокляты душой и телом, разумом и всеми своими чувствами: проклято их потомство, прокляты плоды их земли, прокляты все их конечности, голова, нос, рот, зубы, горло, глаза и ресницы, мозг, гортань, язык, грудь, легкие, печень, ноги и предплечья, кожа и волосы; проклято все живое и движущееся в них с головы до ног и т.д. Я заклинаю тебя, Люцифер, и всю твою команду Отцом, Сыном и Святым Духом, воплощением и рождением Христа; Я заклинаю тебя силой и добродетелью всехсвятых, что ты никогда не оставишь их в покое, ни ночью, ни днем, пока ты не доведешь их до гибели, не уничтожишь водой, или не приведешь их к виселице, или не отдашь их на растерзание диким зверям, или враги не перережут им горло, или их тела не будут сожжены огнем” и т.д., и т.п.

[25] Библейское основание для испытаний было найдено в Числах, ст. 12-28.

[26] “Молот ведьм” будет более полно описан ниже. Изучающий историю не должен пренебрегать этим томом, который является наиболее зрелым плодом католического дуализма и ясно показывает результаты, к которым он ведет.

[27] “Gott in der Geschichte,” III.

[28] Однако во времена Эразма Роттердамского теологи поднимали большой шум из-за этой запутанной проблемы.

[29] Это признание делает Корнелий Агриппа в своей “Оккультной философии”. Теофраст Парацельс и другие были менее скромны.

[30] Так рассуждал еще в середине шестнадцатого века Боррихиус (Олаф Борх), который был профессором химии в Копенгагенском университете и написал книгу о мудрости египетского Гермеса.

[31] Agrippa: “De Occulta Philosophia,” 1. I., с. 24.

[32] В “Божественной магии” мы нашли следующие указания по созданию *вечного двигателя природы*, эффективность которого мы оставляем решать читателю.

“В течение двенадцати ночей после Рождества с фруктовых деревьев собирают 1½ меры росы и хранят ее в хорошо закрытом помещении. В марте месяце роса снова собирается как с фруктовых деревьев, так и с лугов и сохраняется в другом флаконе. Росу, собранную в мае, выливают в третий, а летний дождь с грозой - в четвертый. После этого содержимое четырех флаконов смешивают и одну порцию переливают в большую реторту из прозрачного стекла, где, хорошо накрытое, оно должно оставаться в течение месяца, пока не протухнет. Затем

поставьте его на огонь и подвергните нагреванию второй степени. После достаточной дистилляции остается вещество, густое, как мед. В этот остаток всыпают четыре крупинки астральной настойки. Смесь подвергают нагреванию первой степени, при котором она превращается в густой, угольно-черный комок, который снова растворяется, образуя внизу жидкость, похожую на чернила, а сверху пар, в котором видны многие цвета и рисунки. Вскоре они исчезают, и все превращается в воду, которая начинает зеленеть, и зеленые дворцы постоянно увеличиваются, и появляются горы и прекрасные пастбища, в то время как воды становится все меньше и больше. Когда теперь вы обнаружите, что с земли в стакане больше не поднимается роса, возьмите воду, полученную в результате перегонки, смешайте с ней драхму астральной настойки и вылейте унцию этой смеси в стеклянную колбу. Тогда все снова начинает жить и расти. Добавляйте каждый месяц по унции этой смеси. Если затем стеклянный шар хорошо закрыть и не перемешивать, постепенно образуется пар, который конденсируется в две сияющие звезды, подобные солнцу и луне, и, подобно последней, одна из этих звезд прибывает и убывает; и все явления природы - гром, молния, град, дождь, снег и роса - будут проявляться в вашем стеклянном шаре так же, как в реальном мире вокруг вас. Все это произойдет, если ты будешь держать великого Творца перед своими глазами и в своем сердце, и если ты скроешь от нечестивого мира эту великую тайну”.

Из второй части "Фауста" Гете читатель, возможно, помнит доктора Вагнера, бывшего *фамулусом* Фауста, усердно занимавшегося у алхимической печи приготовлением *гомункула*, искусственного человека. Та же "*Божественная магия*", из которой мы цитировали предыдущие указания, позволяет нам также проследить секрет ученого Вагнера: искусство создания "*гомункулов философичес*". В реторту из самого красивого хрустального стекла наливают одну меру чистейшей майской росы, собранной при лунном серпе, и две меры крови юноши или три меры девушки. И мальчик, и девочка должны быть здоровыми и, "по возможности", целомудренными. Когда эта смесь настоится в течение месяца и превратится в красноватую глину, *менструум*, который образуется сверху, удаляют с помощью трубочек, герметично прикрепленных к реторте, собирают в чистый стеклянный сосуд, смешивают с настойкой животного происхождения в одну драхму, и смесь снова переливают в реторту, где ее выдерживают в течение месяца при слабом нагревании. Тогда образуется нечто вроде мочевого пузыря, который вскоре постепенно покрывается органической сетью мелких вен и нервов. Опрыскиваемый каждую четвертую неделю указанным выше *менструумом*, мочевой пузырь растет в течение четырех месяцев. Когда теперь вы заметите скрип и движение жизненной силы в стекле, загляните в него, и вы, к своей радости и изумлению, обнаружите прекраснейшую пару, мальчика и девочку, на которых вы можете созерцать с искренним восхищением этим прекрасным творением природы, хотя их рост всего шесть дюймов. Они движутся и расхаживают по стеклу, где посреди растет дерево со всевозможными приятными плодами. Если теперь вы будете каждый месяц добавлять в реторту по две крупинки животной настойки, вы сможете сохранять их живыми целых шесть лет. В годовалом возрасте они смогут поведать вам многие секреты природы. Они доброжелательны по своему характеру и повинуются вам во всем. Но в конце шестого года вы обнаружите, что эта прекрасная пара, которая до сих пор ела все виды фруктов, кроме тех, что росли на дереве, выросшем посреди реторты, теперь начинает есть и плоды этого. Затем в реторте образуется пар, который становится плотнее, приобретает кроваво-красный цвет и испускает вспышки. Два *гомункула* напуганы и пытаются спрятаться. В конце концов все вокруг них пересыхает, они умирают, и все превращается в дымящуюся массу. Если стекло не очень большое и прочное, оно взрывается, нанося большой ущерб.

[33] У каждой планеты среди двенадцати знаков зодиака был свой собственный дом, и она была особенно благоприятна, находясь в любой из этих обителей. В следующей таблице показан порядок:—

Сатурн	обитает	в	Козероге.
Юпитер	"	"	Рыбы и Стрелец.
Марс	"	"	Овен и Скорпион.
Солнце	"	"	Лев.
Венера	"	"	Телец и Большая Медведица.
Меркурий	"	"	Дева и Близнецы.
Луна	"	"	В Раке.

Каждый из двенадцати знаков (тридцать градусов на небесной дуге) был разделен на три “границы” (десять градусов). Положение планеты было наиболее благоприятным, когда она находилась в первом лике дома; если в третьем, то ее благоприятное влияние было сомнительным.

Как читатель увидит из первой таблицы, приведенной выше, предполагалось, что знаки Зодиака поддерживают связь со стихиями и темпераментами. Овен, Лев и Стрелец были теплыми, сухими, вспыльчивыми и холеричными. Марс, входящий в эти знаки — за исключением знака Овна, который был его собственным домом, в котором он был благоприятен, — следовательно, должен предвещать засуху, пожар и мор. Телец, Дева и Козерог были холодными, сухими, землистыми, меланхоличными. Следовательно, Сатурн во втором знаке Тельца мог предвещать суровую зиму. Знаки Рака, Скорпиона и Рыб были холодными, влажными, водянистыми и оптимистичными. Власть зодиакальных созвездий над человеческим телом была разделена следующим образом: Овен руководил головой и лицом, Телец - шеей и горлом, Близнецы - плечами, кистями рук, Рак - грудью, ребрами, легкими и селезенкой, Лев - верхней частью живота, спиной и боками, Дева - нижней частью желудка и кишечника, Скорпион - органами размножения, Стрелец - анусом, Козерог - коленями, Водолей - бедрами, Рыбы - ступнями. Планеты оказывали то же влияние, что и их дома, и все элементарные вещи, подчиненные планете, считались в благоприятные аспекты отличными лекарствами от заболеваний конечностей, которыми управляет эта планета. Таким образом, ряд аналогий, пример которых мы привели выше, были неисчерпаемыми источниками даже для врачей Средневековья. Поскольку, например, Козерог, который управляет коленями, является домом Сатурна, и все ползающие животные связаны с этой планетой, жир змей является эффективным средством против подагры в коленях, особенно в субботу, день Сатурна.

[34] Эти дни до сих пор на многих языках носят названия планет, которые были присвоены им в седой древности астрологией.

Воскресенье, dies Solis, - день Солнца.

Понедельник, dies Lunæ, - день Луны.

Вторник, день мертвых Марсиан, - это день Марса, *то есть*, Тив.

Среда, dies Mercurii, - день Меркурия.

Четверг, dies Jovis, - это день Юпитера, *то есть* Тора.

Пятница, dies Veneris, - это день Венеры, *то есть* Фрейи.

Суббота, dies Saturni, - это день Сатурна.

Первоначальные названия, по-видимому, были введены римлянами в более поздний период республики. То, что идея происходит из Египта, показано отрывком у Диона Кассия [I. XLIII., с. 26; сравните Э. Рота, “Geschichte unserer abendländischen Philosophie”, I., стр. 211]. Вопрос о том, когда и как они были введены нашими предками, возможно, навсегда останется предметом лишь догадок. Вызывает удивление тот факт, что порядок, в котором дни были названы в честь планет, хотя и одинаков у всех народов, отличается от того порядка, в котором они должны были располагаться во Вселенной (Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна). Эта загадка решается отрывком из “Диона Кассия”, на который ссылаются, таким образом, что астрологическое происхождение этой номенклатуры должно быть несомненным. Он рассказывает, в частности, что египтяне посвящали каждый из двадцати четырех часов определенной планете. Первый час первого дня недели (суббота) был отведен самой верхней планете - Сатурну, второй - Юпитеру, третий - Марсу и так далее, в соответствии с порядком расположения планет. Следовательно, 24-й час субботы также пришелся на Марс, а первый час следующего дня - на Солнце, из-за чего этот день был назван воскресеньем. 24-й час воскресенья, согласно тому же расчету, приходится на Меркурий, а первый час понедельника - на Луну; и так далее. Астрологическое распределение часов между планетами в соответствии с их последовательным расположением на небесах объясняет, таким образом, кажущийся беспорядок, который наблюдается в течение недели. В магических трудах Корнелия Агриппы, Питера де Альбано и других, которыми воспользовался автор, находятся таблицы, касающиеся распределения часов. Эти авторы собирали со всех сторон, и не в последнюю очередь у Птолемея и александрийцев, материалы для своего магического аппарата.

[35] Рецепты этих духов можно найти в “Оккультной философии” Корнелия Агриппы, л. I., с. 44.

[36] Они содержатся в “Оккультной философии” Агриппы, l. III. сс. 25, 26, 27, 28.

[37] Многие страницы можно было бы заполнить тонкими рассуждениями о слове *Берешит*, первом слове в Ветхом Завете. То, что чувственный мир является лишь вторичным миром, отражением идеального мира, каббалисты доказали, показав, что Священное Писание начинается не с первой, а со второй буквы Алфавита, а именно $\aleph$ (b), которая по своей форме представляет собой половину квадрата [встречается в числе мира] и, следовательно, означает совершенное разделение между духом и материей, между добром и злом. Путем перестановки букв в *Берешит*, в соответствии с методом Каббалы, получаются два других слова, которые означают “в первый Тишри”, показывая, что мир был сотворен в месяц Тишри (сентябрь). Сумма числовых значений букв в слове *Берешит* равна сумме числовых значений букв в двух словах, которые означают “Он сотворил по закону”, — доказательство того, что закон является инструментальной причиной мира. Далее, *Берешит* можно разделить так, чтобы образовать два слова, означающих “Он сотворил шесть” (шесть дней, шесть тысячелетий, шесть расширений вселенского пространства и т.д.); или “Он сотворил барана”, который был, согласно еврейским каббалистам, тем же самым бараном, который был принесен в жертву вместо Исаака, а христиане добавляют, тем же “Агнцем Божиим”, который принес себя в жертву за человека.

[38] Таблица, из которой автор забавлялся извлечением, согласно правилам, этого названия, находится в “Оккультной философии”, l. III. с. 26.

[39] Книга Агриппы дает тонкие правила для нахождения "знаков" или подписей демонов. Читатель должен помнить, какую роль играют "знаки" микрокосмоса и духа земли в "Фаусте" Гете.

[40] Поскольку они (новообращенные англосаксы) привыкли забивать много быков и лошадей на своих пирах в честь дьяволов (их древних богов), необходимо разрешить сохранить этот обычай, но основанный на другом принципе. Таким образом, в праздничные дни Церкви и святых мучеников, мощи которых хранятся в церквях, построенных в языческих жертвенных рощах, точно такой же праздник следует отмечать, огораживая место зелеными деревьями и готовя религиозный пир. Тем не менее, животные не должны приноситься в жертву в честь сатаны, но забиваться во славу Бога и ради пищи, за что следует благодарить Дарителя всех благих даров.

[41] *"Creberrima fama est multique se expertos vel ab eis qui experti essent, de quorum fide dubitandum non est, audisse confirmant, silvanos et faunos, quos incubos vocant, improbos sæpe exstitisse mulieribus et earum appetisse ac peregissee concubitus, et quosdam dæmones, quos Dusios Galli nuncupant, hanc assidue immunditiam et tentare et efficere plures talesque asseverant, ut hoc negare impudentiæ videatur."* (De civitate Dei. lib. 15, cap. 23).

[42] "Recognitiones divi Clementis ad Jacob," lib. II.

[43] Эта точка зрения уже выражена в книге Хеноха и в трудах раввина. Подобно им, даже отцы интерпретировали "Сынов Божьих", упомянутых в Книге Бытия, которые "были очарованы дочерьми человеческими", как падших ангелов. Так, Кирилл, Антенагор, Ириней, Лактанций, Туртуллиан и другие. Мы только что привели в пример цитату из Августина. Греческой мифологии с ее амулетами между богами и людьми было суждено поддержать это суеверие.— Лютер, который не мог освободиться от суеверий своего времени, часто говорит нам в своем "Тишредене", что дьявол может зачинать детей от связи с людьми. "Es ist wahrlich ein graulich, schrecklich Exempel," he says in one place, "dass der Teufel kann die Leute plagen, dass er auch kinder zeuget."

[44] Reginonis libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis. Эта работа была переиздана в Лейпциге в 1840 году.

[45] "Gott in der Geschichte," III.

[46] Она найдена полной в своем первоначальном виде в "Демономагии" Хорста, II.

[47] Многие столь же глубокие этимологии встречаются в "молоте ведьм". Слово *diabolus* (дьявол) происходит от *duo*, "двое", и *bolus*, "кусочек", что объясняется тем, что дьявол ловит рыбу одновременно за двумя кусочками - душой и телом.

[48] Это умозаключение, изобилующее непристойностями, с которыми невозможно справиться, занимает тридцать три страницы "Молота ведьм". Это выглядит очень убедительно. Это также привело к гибели сотен тысяч женщин.

[49] Чтобы дать читателю более четкое представление о действительно дьявольской слепоте и жестокости, которые характеризуют ужасную книгу, о которой мы рассказываем, мы цитируем следующее утверждение из "Молота ведьм", стр. 223: "Мы (инквизиторы Шпренгер и его коллеги) обнаруживаем, что из всех женщин, которых мы приговорили к сожжению, очень

немногие добровольно причинили вред с помощью колдовства. Как правило, дьявол принуждал их к этому. После того, как они во всем признались (на дыбе), они обычно пытаются покончить жизнь самоубийством, прежде чем их отправят на костер. Это дьявол искушает их таким образом, ибо он боится, что через покаяние и исповедь они получают прощение Божье. Если эта хитрая уловка не увенчается успехом, и если им помешают уничтожить самих себя, Он знает, как лишить их шанса на благодать другими средствами, а именно, поразив их яростью, безумием или внезапной смертью!” — Вот пример того, как могут быть использованы теологические аргументы, основанные на превосходящих природных влияниях!

[50] Хорст: “Демономания”, я.

[51] Колкухун.

[52] Μῆλα Μανδραγόρου (на иврите *дудаим*) - в Септуагинте название яблок любви, которыми Лия угощала своего мужа (Быт. xxx. 14). Плиний говорит о мандрагоре как о ядовитом растении, которое опасно выкапывать; теперь уже Колумелла знает мандрагору как получеловеческое существо - “*семихомо мандрагорас*”.

[53] Man sagt: wenn ein Erbdieb, dem, wie den Ziguenern das Stehlen angeboren ist, oder dessen Mutter, als sie mit ihm schwanger ging, gestohlen, oder doch gross Gelüsten dazu gehabt—nach Einigen; auch ein Unschuldiger, welcher in der Tortur sich für einen Dieb bekennt—und der ein reiner Junggeselle ist, gehängt wird, und das Wasser lässt, oder sein Same auf die Erde fällt, so wächst an solchem Ort der Alraun.—“Nork: Sitten und Gebräuche der Deutschen und ihrer Nachbarvölker.”

[54] Итак, Проперций и Плиний. Virgil (eclog. VIII.) заставляет пастуха петь:

Has herbas, atque hæc Ponto mihi lecta venena,
Ipse dedit Mæris: nascuntur plurima Ponto.
His ego sæpe lupum fieri, et se condere selvis
Mærim ... vidi.

[55] Меланхтон, который твердо верил в оборотня, рассуждал точно так же.

[56] Еще в 1804 году крестьяне в Лонгвиле обвинили бродягу по имени Марешаль как колдуна и оборотня. На суде таинственные вылазки оборотней были преобразованы в воровские вылазки, и Марешаля приговорили за кражу со взломом к каторге.

[57] Во время реставрации в 1815 году, когда все мертвые восстали из своих могил, знаменитый *фон Геррес* стремился возродить веру в вампиризм. Он написал об этом чрезвычайно ученую работу, в которой много рассуждает о “растительных” источниках тела, которые, как он утверждает, продолжают свою деятельность после смерти и, таким образом, позволяют душе умершего вновь занять место и на некоторое время возобновить работу своего старого механизма.

[58] Некоторые из популярных форм заклинаний написаны на латыни, хотя и искажены почти до неузнаваемости. Можно привести пару восстановленных примеров. Это формула против кровохарканья:

Sanguis mane in venis
Sicut Christus in pœnis,

Sanguis mane fixus
Sicut Christus fuit crucifixus.

Против лихорадки:

Deus vos solvet sambuco, panem et sal ego vobis adduco, febrem tertianam et quotidianam accipite vos, qui nolo eam.

Против эпилепсии:

Melchior, Balthaser, portans hæc nomina Caspar,
Solvitur e morbo Domini pietate caduco.
Perpetret et ternas defunctis psallere missas.
Барахун. Барахагим. Неверно. Подалгат.

[59] Сравните Вергилия, Екл. VIII:

Terna tibi hæc primum triplici diversa colore
Licia circumdo....
Necte tribus nodis ternos, Amarylli, colores:
Necte, Amarylli, modo: et Veneris, dic, vincula necto.

[60] Сравните ту же эклогу:

Limus ut hic durescit, et hæc ut cera liquescit
Uno eodemque igni: sic nostro Daphnis amore.

[61] Легенда о Фаусте, сложившаяся во времена Реформации, сначала стремилась использовать одного из героев ученой магии, Генриха Корнелиуса Агриппу, в качестве главного персонажа; но его биография, опубликованная его учеником Виером, развеяла фантастический ореол, окутывающий его личность, творческое желание искало более неясный объект, который оно могло бы трансформировать в соответствии со своими причудливыми фантазиями.